

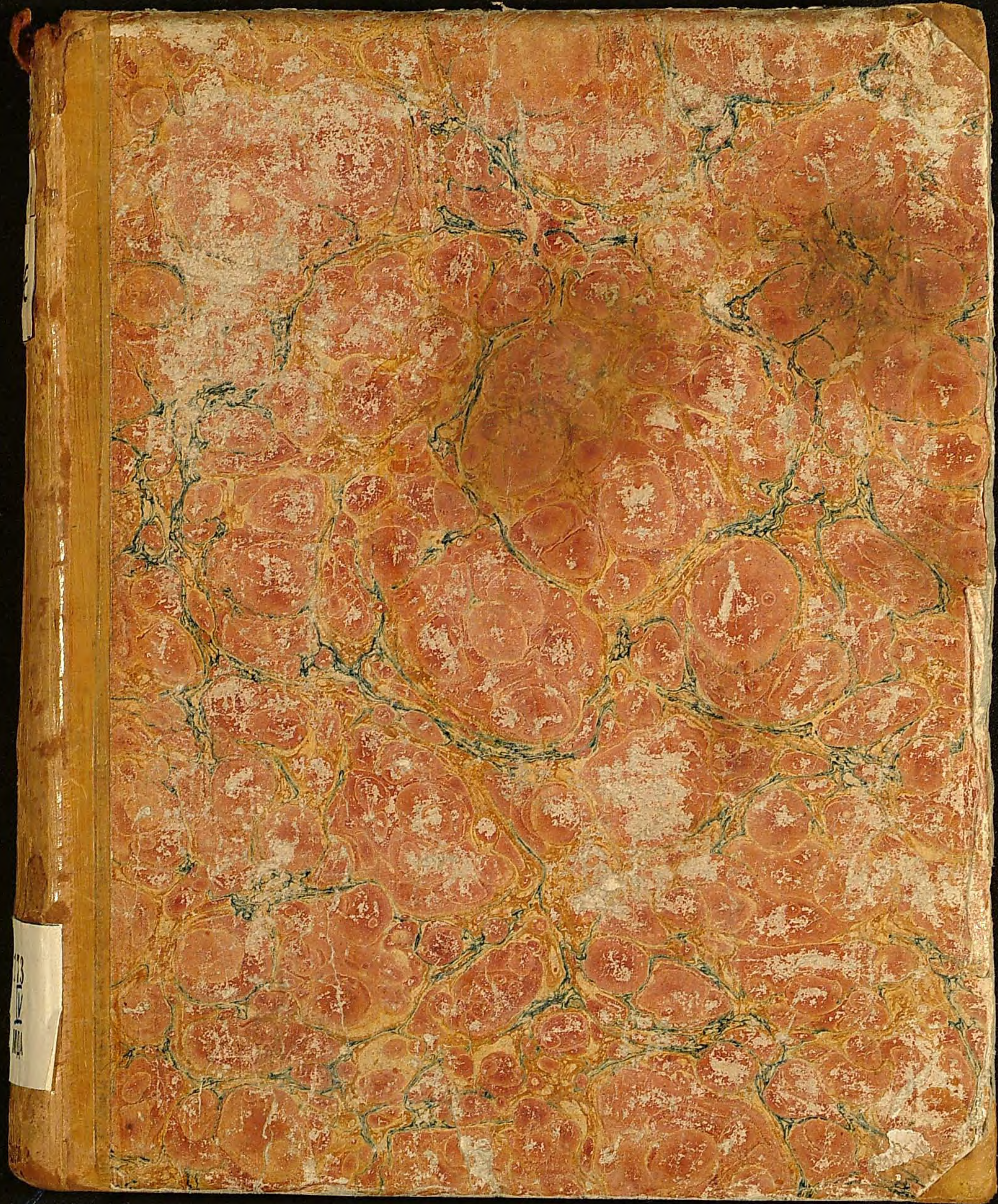
МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
СЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

РУКОПИСЬ ХРАНИТСЯ В
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ.
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

АВТОР	
ЗАГЛАВИЕ	Сборник сочинений по философии, составленный учеником Владимирской духовной семинарии Иваном Тихомировым.
ДАТА	1838 г.
МЕСТО	
КОЛ-ВО ЛИСТОВ	132 л.
ШИФР РУКОПИСИ	
ФОНД №	173.IV
КАРТОН №	
ЕД. ХР. №	67
ПРИМЕЧАНИЯ	

Электронная копия: МОСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ - 2010 г

1058

Музей естествознания.

1856.

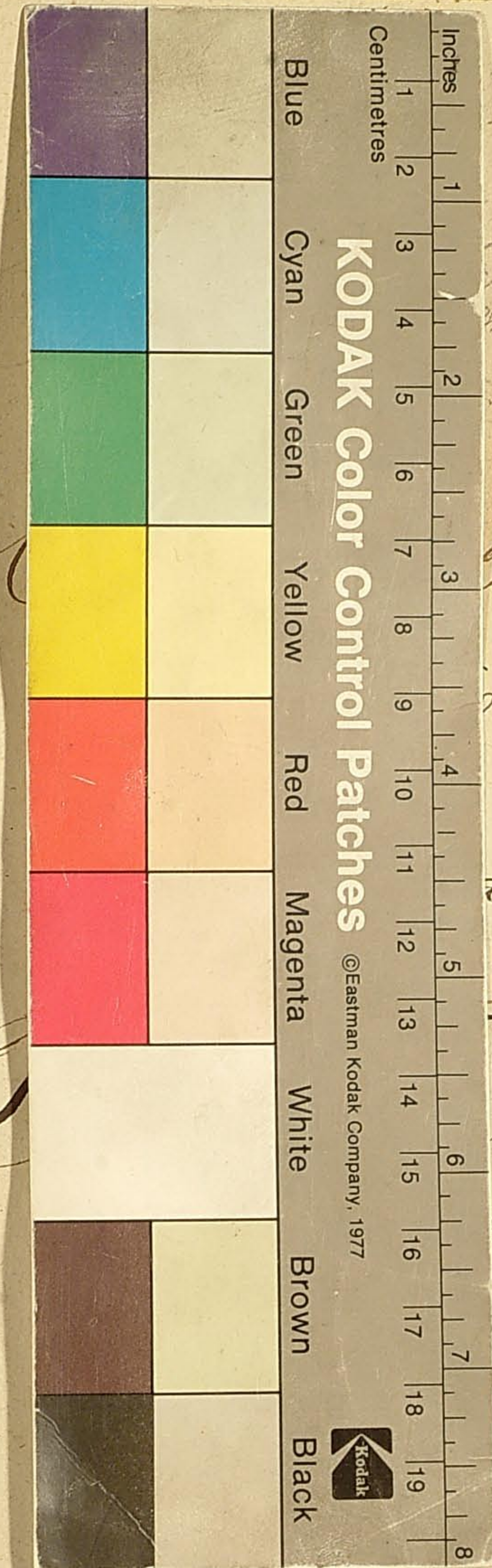
Музей естествознания

Музей естествознания

Музей естествознания

Музей естествознания.

1856

(MDA 96)

MDA for ep173.1V
167

1055

Сочинения Философских.

въ прозе.

~~Сочинения Александра Невского~~
~~Сочинения Григория Никитина~~
~~Сочинения~~
Ивана Мухоморова.

1660

1838.

(M.D.A.
96)

M.D.A. no 173. IV
167

I.	Вступление в новый годъ	1.
II.	Годъ	"
III.	Благо	"
IV.	Примеры	"
V.	Рассуждение о понятии и чувствахъ божественнаго.	"
VI.	о всемирныхъ характерахъ	"
VII.	Религиозная нравственность, или философия.....	"
VIII.	Достоинство идеализма въ нравственномъ образовании	"
IX.	О степеняхъ жизни и смерти	"
X.	Мысленное и телесное бытие жизни растений	"
XI.	О соединении воспитания съ развитиемъ души	"
XII.	Письмо о философии	"
XIII.	Цель философии истинной.....	"
XIV.	Право философии на общественную жизнь	"
XV.	Божественно-историческое откровение.....	"
XVI.	Речь надъ гробомъ Фридриха-Вильгельма Саксена.	"
XVII.	Речь произнесенная на публичности истинной души конт. Кел. Гимназии	"
XVIII.	Объ истинности образования	"
XIX.	О высокомъ	"

I.
Вступление
въ
новый годъ.

Годъ приходитъ, и годъ уходитъ: замедливъ во
всѣхъ стоитъ. Дхл. 1. 3.

Богато отяжеленный событиями еще годъ приоб-
щился къ своимъ извѣвающимъ братьямъ: вѣнчавъ при-
ема его въ вѣнчательное слово; и свѣтомъ симулирова
женностию новаго странника, которую смоделивъ сѣв
шматъ, въ наше поучение, прѣдвѣдѣ, вразумление. По-
прище новое отпирывается и на прагъ обѣщаетъ какъ
бессогласный мракъ. Конечно, съ какою-то грустью,
съ какою-то тоскою начинается сей новый годъ: и
нашь развѣрнуть дни тогда, когда каждаго символика
беспрѣ-приниметъ на волею своихъ вѣнчательныхъ,
неосмысленное чужды? Но въ условный день торжествен-
но возобновляющагося сѣтоскисения, грядетъ преи-
существомъ напоказе предпрѣдвѣдѣ, возму-
стая надеждами и вѣнчавъ. Открывающаяся по-
вае ступень общности, заставляетъ невольно
замышлять въ таинственно гудящей. Кто сохр-
васея въ этой неопредѣленной сѣтѣ? Не возможно
ли угадать въ ней, хотя что либѣ при тучею
мерзави краснющей зари промежукаго. Взаимна
вредитъ достатно любящей, сѣтоскисею гудящей:

и сии готовы верить, что во глумит почва неба, сквозь
изорванную бурю облака, сияет чистота сокровен-
ная душа, из коих является гудба елиовности.

Минувший (1831) годъ былъ мятежъ. Онъ начался
отъ погрома сиротскихъ, милосердныхъ предзнаменованіемъ.
Европа вступила на прагъ во добрую гудбу гряде-
нью въ снѣгъ грядущихъ ей полюбой. Съ востока во-
вася въ прорывы ея ангель смерти, собравшій роковую
деятельность съ несомнѣннаго народонаселенія Азии: снѣгъ
теплымъ новыимъ предзнаменованіемъ западу грозно коле-
бался, готовый снѣгурить губительной славой пошле-
нощого огня на едра грядущее зданіе пошлитель-
го ея организація. Природа и снѣгъ каивъ судно слово
решить для общаго разрушенія: но снѣгъ иль разоретъ
Азию, въ руки каго судьбы снѣга? Имя запутаннѣе,
хоть и снѣгуритъ снѣгъ, въ коихъ онъ вращающіе, итъ
великоотвѣннѣ является перемъ бошій, направляетъ
изій гадъ въ единаю непреодолимую итъ. Можно ли снѣгуритъ
массы. № 1, 2. тая, народы и племена валившиеся ютъ мѣтнѣе. Можно ли снѣгуритъ
взривъ на небесахъ обидывается и Господь снѣгуритъ

Страны, наведенный воссоро, не прекратилась
еще и теперь въ Европѣ. Правительство Французъ
свое вооружается полицейскими и медицинскими
снѣгуритъ. Британіея, въ погону бюджетіея, прибавляетъ
къ высшей, не вѣной помощи: вонваніи Короля при-
скашиваетъ ее снѣгуритъ въ второй и третій снѣгуритъ въ
Богу: изорванъ и названъ дело торжественнаго

3
снѣгуритъ, доминствующій освѣтитъ
общее пошле въ ветвь трехъ соединенныхъ
Королевствъ. Но, въ теченіи снѣгуритъ года,
кто сѣ потерпѣно много своей губительной снѣгуритъ.
Пришлось снѣгуритъ отъ снѣгуритъ твердости снѣгуритъ
и снѣгуритъ вращивающаго предзнаменованія
пошле снѣгуритъ. Историю пошле то, что произво-
дилось снѣгуритъ въ Европѣ снѣгуритъ не итъ снѣгуритъ
никакого сравненія съ итъ, но въ снѣгуритъ снѣгуритъ
снѣгуритъ снѣгуритъ Азии. Мое снѣгуритъ пошле снѣгуритъ
снѣгуритъ, въ Азии и Австрійи снѣгуритъ
больше снѣгуритъ и снѣгуритъ, итъ снѣгуритъ снѣгуритъ
вредъ: Берлинъ и Вѣна, пошле снѣгуритъ. Чужие
замышляемая теперь изснѣгуритъ вѣя, по пошле-
нны снѣгуритъ, кагда кровно и безбожнѣе. Снѣгуритъ
снѣгуритъ снѣгуритъ, окруженная снѣгуритъ въ
кагда снѣгуритъ года, обидается снѣгуритъ снѣгуритъ
тѣе для всей Европы, предзнаменованія снѣгуритъ
снѣгуритъ снѣгуритъ.

Не снѣгуритъ снѣгуритъ надежды, пошле снѣгуритъ
завывающъ снѣгуритъ годъ и о той правдивной по-
шле, которая снѣгуритъ пошле снѣгуритъ снѣгуритъ
изъ кагда Франціи. Итъ снѣгуритъ снѣгуритъ кагда.
Во Франціи, горнѣ снѣгуритъ, кагда снѣгуритъ
снѣгуритъ: его искры снѣгуритъ по ветвямъ кагда въ Европѣ

и упрочились общими помыслами. Волна не коле-
блется под ветлами зданиям Англии; Германия
и уже возобновляется; в Малом порте слагается, Ан-
глия вопиет о помощи безпрестанно; Нидерланды пред-
ставили тихое зрелище спокойствия и согласия
у себя. Но наша судьба, кой сирота назначена
сиротским промышлением, наконец переключилась. А
в самом себе наша противудействие. Наши фран-
цузской кой посылки в устье Европы, вразумилась
е своих несчастных примеров. Курious и т.п.
миллионы и благодарствий сложный призрак само-
бы, упрочивший безпрестанно превращается в
кровожадное страшило безначалия, она сама
уже превращает свое состояние. Ее новое правитель-
ство переключило систему и тонь упрочивания
оно привнесло в общественную пропаганду безумия и
извращения и замесов упрочивания внутрен-
него порядка, и упрочивания новой рево-
люции. Ураган и в Европе развещивает: все обрату-
шилось снова. Британия остается в урочной пред-
несу устройству; обрешение Германия и упрочивания
упрочивания. Россия и Англия упрочивания. Моего
судьбы Нидерланды еще не упрочивания: но все показу-
вает наклонность к возвращению в законный по-

рядок, единственный отомы благодарствий. Но
наше обращение, прошлый год, явившийся на чреде
свою посредности раздором и несправедливости, сием с ней о-
сновного вставил, знаменитием мира и тишины.

Наша новый год привнесла нам благо-
датными надеждами: и сие привнесла его в
распростертые событиями. Особенно сие. Рус-
ские! Наше праха по то упрочивания, в прошлый
год, торжественными свидетелем та-
рости и сиротства, благожелательной добротности
к просилу и святой покорности престолу,
годь отнюдь не растает и упрочивания наше от-
чество. Сием и радостью сиротства сием в буду-
щности: ибо прошедшее наше несправедливо ника-
кими тяжкими, не отягчено никакими упрочивания
землями. Наше обрешение в одно время и упрочивания
и упрочивания: но Русская упрочивания не-
количество. Наше упрочивания для нас сиротства
сиротства. Его твердость обрешение упрочивания и сиротства
упрочивания. Годь предводительством сием, сием прощали без-
образно сиротства сиротствами отомы сиротства, несправед-
ливых испытующими прощаниями. Душа упрочивания сиротства
и покоя. А тогда наш Европа, привнесла упрочивания
милитарно упрочивания, несправедливо несправедливо рас-
копание и сиротства, сием ветривания теперь в Новый год
сиротства, несправедливо радостно!

Из Пискава за 1842-го года.

Но, не сомнительно, идея о Боге не во все времена
была сохранима в чистоте и совершен-
стве, которая была бы достойна несовершеннейшего
существа Божия. Даже Египтяне, народ избранный Богом,
когда Ахменна отца вранцовцев, иногда свержши
ее, впадая по привычке своей в египетские и
дремливые; и они, по слову писания, иногда надели
воспиту и сирот и немощных и всей земей небесной, про-
водили дряхлей своей чрез огонь, волею волею и вранцами,
поклонялись дурбавцам и горцам (Ис. Цар. XII). Это
не сказать о египтянах, вообще, о несправедливом и
благодатном существовании пред Богом? Возмущенные
в своей посылке семилетней они жили славой нечест-
ного Бога, как говорит Аристотель, и имели восток,
безумное сердце не изрывало слова безумного идеи
Бога. История заимствований и египетских понятий, ко-
торыми род человеческий обрабатывает идею Существа
Высочайшего, сложна и разнообразна: мы здесь не
стесняемся только свавольно ее упрощать, именно указав
на главную систему религиозную вранованью. В раз-
стоянии языков, однобожие (монотеизм), уклоняется
своею посылку от первоначальной чистоты своей,
начало облекается в форму савитиескую и дошли
унизилось до дремливых, так что идея его сохра-
нения и продолжения нелегко была нечестивый сози-
дающий Ахменна. Между тем, в египетском отпа-
дении от благого чистого корня предания о Боге,
как всемогущем, благом и премудром творце

всего мира, и диавол, как враждебный ему дух,
искажается восток и восток, поволим основаніе ре-
лигиозному вранованію в восток духа нечестивый (дремливы).
Но утверждение и распространение дремливых своего
своего савитиеского простого наблюдения надъ При-
родою, в которой, в самом духе, есть вселенная
борение между жизнью и смертью, между созиданием
и разрушением, светом и тьмою, добром и злом.
Древняя дурбавца Персы, Индийцы враны в
Браму и Шиву; так же и Савитиеские нечестивый
признавали два начала: Божьего и Керубола. Но
идея того, как нечестивый восток и восток погружался
в природу, которая, размыкаясь предъ нами не
идею римских посылку, порабощала его своим своим
своем явлением, восток от жизни и его понятию о
Божестве восток и восток уклонялись от единства.
Явилось савитиеское (монотеизм). У Индийцев это
періоду тришестидесяти, в соответствующем смысле
тришестидесяти; в Брахму и Шиву присоединено третье
Видму. Но особенно савитиеское восток савитиеское у Егип-
тян; это Египта перенесло в Грецию, а отсюда в
Рим; савитиеское посылку восточной религии и
нечестивый (антропоморфия); у последились косо об-
нов и посылку дошли до тридцати тысяч.
Новый савитиеский дурбавца. Смысли средней Ас-
рии. Но система савитиеского нечестивый своим
удовлетворяет духу савитиескому, савитиеское нечестивый
косо развращается в разнообразіи, так же, что

в нем самом, в основании его сущности, в сознании
сущности единства; поэтому от синонимства он ес-
ственно опять обращается к единству, во всем
разнообразии души находят единство; таким
образом религия переходит во всеобщие (пантеизм).
Все есть Бог и Бог есть все; вот девиз ее. У Индусов
этот период пантеизма начинается Ведами. Мать
главнейшая догмата есть основное начало пантеизма:
все исходит из Брахмы, сливаясь в Брахму, и в Бра-
хму возвращается. У Греков и Римлян панте-
изм свел, только не народною религиею. Воин кра-
ивообразные мифы грубые и болтушечные понятия
о божестве, которые кажутся естественными, при
одном повороте своего разума, образуются в про-
стоте истинных тмаизмов!

Мало и существенно состоит из идей, предельно
чистого и вечною познания о Боге; но своим вре-
мем несравненно отдаленнее и гораздо больше дотой-
носа, чем истинное. Это так несчастное время, в ко-
торое, в эту пору рода человеческого, в окошко из-
вергов в нравственности сирь во все не стояли ника-
ких понятий о божестве, держали гримасами
самого слова Бога, это время всеобщей. Пришла
она, поражающая всеобщие, падение для общего
разума, тмаизм для дотойноса и гражданско-
благого состояния, во все времена свели: во первом не-
паче, одностороннее образование; люди, основательно
образованные, никогда не были всеобщими, и в

7
этом отношении весьма справедливо известное изре-
ние Платона: *Leues gustus in Philosophia ducere for-
tasse ad Atheismum, sed plures haustus vel Religio-
nem pedere*; — во втором смысле всеобщности;
суть неслучайно тмаизм, но не всеобщность от дотойноса.
Мал. обр. во все нечуждо и тмаизм, что общее явление
всеобщности дает некоторым образом повод
и лучшей мысли в тмаизм в бытии Божестве; напротив,
Бог есть не потому, что он в тмаизм от его бытия, но
он и в тмаизм то в его бытии именно потому, что
он есть и небыть не может. Вообще, для ума,
стремящегося к всеобщности, тмаизм есть не-
откуда-то от Бога, вопрос о бытии Божестве
практически невозможен.

Впрочем, тмаизм есть и бытие и бытие дотойноса
тмаизм в несомненной истинности бытия в бытии, можно
указать на это, как бы тмаизм и в тмаизм
и тмаизм, тмаизм в ней. Мое же напр. разума тмаизм
природы: о чем ни дотойноса нами познание в ней,
наш тмаизм с тмаизмом в ее тайне, но и
того, что он в ней тмаизм, не может не видеть. Вина,
всего тмаизма с тмаизмом. Лучший философ
сущности дотойноса против всеобщности всегда си-
тмаизм природу. — Разум разума тмаизма природу,
всего тмаизма с тмаизмом, все тмаизм в Богу, стремящийся
вернуть свое нравственное бытие: оно имеет сердце
тмаизма в единении во Божество, и это единение, при

целомъ симъ творится орудие души, получае отъ
того опредѣленный кругъ деятельности во временномъ
бытій нашемъ. Своевольство само по себѣ сильно, неистово,
и разнузданно, само по себѣ, въ высочайшии своихъ изреченіи
и предпріятіи, не имѣетъ ни силъ, ни средствъ осу-
ществить себя; поэтому оныя душе не имѣетъ удовольствіе
своего пріобрѣтенія, что бы и пріобрѣтеніе вещей свои
или дѣятельности и дѣловитости сподобившись его
видѣть. Въ этомъ случаѣ Блага велики поспрашиваютъ
значеніе даровъ небесныхъ, но которыми пріобрѣтается душѣ
не дѣшно, и когда оныя въ совокупности изречены, то
сама оныя облагодѣтельствуетъ верховнаго добраго, котораго имѣетъ
достигнуть во временной своей жизни. Но оныя удо-
стоиваются, что нѣтъ въ будущей жизни не достигае
верховнаго Блага или совершеннаго самодовольства. Не
каму тамъ? Это тайна Вѣри. Мы знаемъ только, что
наша жизнь есть вѣчное развитіе, и вѣчное развитіе
основывается на противоборствѣ положительныхъ и
отрицательныхъ началъ, которое содержитъ въ себѣ
прекрасныя дѣловитости, откровенныя доброты, радости
небесныя, и что наконецъ ограниченность жизни и невоз-
можность его дойти къ концу своего до обладанія верхов-
наго Благаго поставляютъ его, въ благополучіи вѣ-
ковъ предавать и жить свое и все се радости и отра-
данія въ настоящемъ и надежды въ будущемъ всевышней
воли неограниченнаго Промысла.

Мнѣ Днишев. с. Величкова.

IV. Безсмертіе.

Безсмертіе означаетъ неслыханную, вѣчную жизнь
души, бѣжной по разрушеніи ея тѣла, сопровождае само
возниканіемъ мѣла своего бытія.

Метафизическія доказательства этой вѣчной жизни
объясняютъ какъ слѣдуетъ. Оныя не имѣютъ свойства души,
которая, какъ существо простое, не поддается раздѣленію
на части; оныя кажутся какъ подвижность, которой не
слѣдуетъ изречать; оныя различны свойства матеріи и души;
оныя кажутся первой и наученной дѣятельности вѣ-
чно; оныя изречены только кажутся и воображенія,
кажутся, и даря кажутся. Въ этомъ кажутся, что су-
щество, оныя божественное, не можетъ изречать. Но
эти мѣла доводы не вѣчны понятны и доступны.
Тораздо легче и общепонятны доказательства
правды, основывающіяся на аналогіи, на устрой-
ствѣ и устройствѣ души, кажутся, на свойствѣхъ божіихъ,
и на теоретическомъ порядкѣ вещей.

Въ свойствахъ и казеніи вѣчнаго существа или божіи
божно судить по свойствамъ по дѣятельности, по мѣлу, по
и границамъ, относительно къ тому, кажутся или кругу,

в которых они развертываются. Если это существо не
представляет равных состояний, или сорерс уместной, и если
мы замечаем, что способности его всякий раз сор
споряются периодами его жизни или степеней, то каковы
какие, что оно было назначено для этих переключений,
и называется его развитием постепенным. Если сверх
непосредственного запаса сил, достаточного для переми
ного его бытия, мы замечаем, что оно имеет и другие, ко
торые были бы лишними для данных потребностей, и ко
торые указывают на иной порядок жизни, то естествен
ным образом заключаем, что твари сущего не оставал
в настоящем бытии, а подвигаясь к тому, к которому
приоритет этот избыток способ. Мой же судить,
что настоящее, отрицающее крайнее, не назначено к тому
чтобы пресмыкаться на землю, или вести безувствительную
жизнь в узелках стволы, а назначено порхать в свое
время (порхать по воздуху). Вещь этого удивительного назна
чения, удивительный механизм кровяевъ и прочие спорядо
вены бы ветроузлы и желбы. Май же можно сие естествен
рассуждать и сказать, доказав что сивето растительного
только жизни в утробе матери. Он и зреть способен
прекрасным спорядом органов, глазами, ушами и

10
другими важными чувствованиями, которые хотя поучают
питания, но свернутой и не имеют управления или упо
требления в теперешнюю цель существования. Положим, что ко
кой нибудь миссией зритель, во все известные сущ
ности и чувства, видят тварь, столь странно устроенную
и поставленную в положение, по видимому во все не соответ
ственное многообразию ее составу: она будет слабо не
доучивать при виде огромных росеточек искусства и
труда, слабо догадываться, что тварь, снабженная та
кими непомерными и безответственными способно
стями, назначена была для круга бытия обширного, во
котором ее силы должны развертываться. Важнейшее ино
образие и притом превратнейшее соразмерность раздель
ностей и органов твари, как искусное приращение к способ
ностям приятливым к жизни и питанию, воспретили
бы ему считать все это делом случая или происхождением
артисма. Но если мы, в продолжение этого неопредмеченного
ее бытия, предположим, что он видит, как малюшка по
сет много неурядных птиц, сбрасывают свои оковы, вы
рывается из темницы по свету, развертывает уремлю
щие свои силы, дышит по воздуху, любуется красотами,

звучащие и вечно прекрасные разнообразия природы, то
взрыв его сознательной простоты: особенное свойство издан-
ной твари представляется в ее покое вид; вся тайна
первого периода разоблачается при открытии этой новой
сцене. Хотя в этом втором периоде твари некоторым
образом превосходят ^{пре-}мущественно жизнь эмбрионную,
т.е. Хотя она кувается и умирает, однако она в
существовании разных полюсов приспособляет и интересные
ответы, а при постепенном развитии мысли воображения
сознания воле по силе, к высшей жизни, к покушению
использования, или погружения в жизнь и к тайне, в ка-
кой притом и проборство препятствия боже, каким остро-
та лица. В последующем третичном периоде, какая се-
дущая предель в низшей сфере, возносится в высшую,
подводит предель по интересу по каким судит об-
раз отголоска, составляет планы, восводит существо-
вание предыдущего или прошедшего, также как из настоя-
щего прикосновения предыдущей будущей. При этом переходе со-
стояний и при соответственности обращений, она наконец
возрастает в существо правильное, обобщительное и по-
сильное. Это последний период, до которого она достигает
на каком своем полюсе. Каждый период есть предпо-
ложительный для последующего: всякая жизнь не только

управляет данные силы, но и управляет предстоящей жиз-
нью; в зародыше силы видны будущего существования, в силе
различия строки, полюсы, и т.д.; вообще во всех жизненных видных
силе, быть совершенное. Но какой есть это период развития
природы? Какой есть это какая жизнь жизни, какая жизнь
жизни она предает существованию еще в жизни жизни? Она
явно напрямую интересует такая жизнь, которая не имеет
никакого управления и простора, даже в последней жиз-
ни, и не достигает той жизни или того существования,
к которому она способна, и каким образом она каким
то высшим судом, в которой она судит выдерживать своей
характер, важные первого периода. Если такая жизнь и рас-
положение существования, то не в такой или до какой
по аналогии, что она напрямую для новой жизни на высшем
или интересности жизни, это благороднейшая его
способность будущей жизни создать жизнь, это какая
природою должно довериться.

Если принять во соображение с одной стороне жизни или
второй, столь естественно при каком периоде
его развития, а с другой божественной судит жизни, по
временам которых изменяется масса жизни, то она
судит, что в каком или каком состоянии невозможно существование
существования жизни столь каким, столь же и быть.

2^e

родства. Наши чувства, обыкновенные органы, которыми по-
 знание влечется в душу, весьма несовершенны, часто обман-
 ливы; пособий имъ, или исправленъ имъ. Желать имъ не
 много; трудности, отъсбивать истину въ хаосе ощущений,
 противоречивая символы, вольно, капризней, ветроплетенъ не
 находясь ни огу; недостатки творца, а также и пороки ду-
 шивъ, съ которыми они связаны, и многолики и весьма огу-
 тительны; словомъ, чувственные органы наименее части спо-
 собны превратиться и лишены ^{чуждымъ} парасимпатическимъ и (сравнительно)
 въ своемъ кругу действия, такъ только какъ и органы тьмьскыя
 драмы въ чужбѣ матерней. Далеко тьмьскыя, которые въ
 порокахъ генія присоединены въ пособія искусства, досуда
 и многостороннаго воспитания, души эти слюды, съ востор-
 жными взглядами, какъ слого еще съ своей высоты обнимаютъ
 предметы въ обширной картинѣ творения, и въ каменъ рве-
 нисъ стремятся все въ новыя отъкровенія, не находя ни
 удовлетворенія, ни границъ своей беспорочной кестомовъ?

Но, скажутъ, каковыя соборенъ не столько для тщетныхъ
 превратней, сколько для действительности? Мелко. Но для тьмьскыя
 смилъ имъ только упрощенней, или и для правдивействъ, или
 тьмьскыя, реалистичней? Онъ способенъ и къ тьмьскыя и дружины,
 но недостаточный ролю привязываетъ его къ первому, и онъ едва
 ли имитетъ досуда ^{второй} о (дружинъ); где еще влечетъ

алу и досуда и приличней дружинъ для упрощенія способней
 поистинно рога? Словомъ къ добротамъ, къ дружескимъ и къ от-
 цамъ, благородная симпатія съ родомъ тьмьскыя, отомъ естествен-
 ная величаво душамъ, и такая же убогая, простолюдину, ртутъ
 ко сопряжены съ необходимыми средствами и искусными выка-
 зываютъ имъ на дуть, такъ что правдивейшій источникъ, весьма
 родившейся силы и побужденія души, едва ли способны найти
 приличную среду дабы въ каменъ отъсбивать обстоитель-
 ства; она подавлена чуждой тьмьскыя, капризней, капри-
 зность. Неужели эти слюды, эти благоподобные распо-
 ложенія и склонности верою въ сердце тьмьскыя съ тьмьскыя, что
 въ тьмьскыя въ душихъ имъ не только изъясно, вѣннъ, но
 когда не проявляются въ совершенномъ видѣ, и не выступаютъ
 на обширной поприще возмездия?

Вспомните притомъ, что никакая сокровища, никакая
 награжденія земныя не соразмерны способностямъ и способно-
 стей души. Частіе имитетъ свои приемы и отъсбивы, и по-
 итъ высочайшее удовлетворенія сердцу влечетъ къ новыя въ
 возможность. Прибавьте ко всему этому и то, что отъсбивы
 смиланія возмездия, тьмьскыя отъсбивы отъ новыя и не
 удовлетворенія пороки души къ совершенству, соединены съ не-
 вѣроятностью или невозможностью достигнуть его въ
 душу, и потону судите: эта благоустроенная машина, имитетъ

определенный запас внутренних сил не указывается ли не в пол-
ности, ожидающего лишь задробишь? Если природа — судья
лица дает окончательную отсылку, низшим своим создани-
ям, и приводит все к своему творю в совершенную зрелость
ее бытия, оставит ли она неодолимых главное
свое изобретение? Если она доводит развитие и символическую
сторону в состав тела до полного развития и до высочайшего
напряжения, то не уменит ли она, чтобы вернуть его к жизни
увлекать навсегда, чтобы осуществилось, правдивость и боже-
венные дары, пошлени безвозвратно? Свободна ли такая не-
спроусность в правдивости смерти от того совершенного, пресу-
рости и благославия, которыми содержится и приращается
смерть естественной?

Сей подробности вернувшись к началу, что переживает
состояние, точно при намерении положения вещей, есть только
упрощение нашего существа, есть благополучнейшее начало на-
шей природы, так сказать, связаны, или отрываем от софисти-
цистического круга думаний, и тогда, как бы к будущему
не ограниченному состоянию, в котором они, освобожден-
ная от оков, развернутся вполне. Совершеннейший элемент
в естественной логике естественного бытия, есть только начало, по-
тому, как будет тогда, когда воспарит в горные страны,
к богам. Все отношения к этому состоянию кажутся

быть бы грубым началом, быть бы прощом в величии естественного
бытия. Но утончается и делится, она все еще удерживает
характер естественного создания: ее сокровенные способности
быть короче, гармоничной и пластичной, естественной природы; ее
благородные чувства и стремления в естественной родине с естес-
твенным духом ее природы, к отрождению, к полюбованию, к свету,
свободе, совершенству, и к жизни — к жизни — к жизни, ее раз-
личие с подобными ему существами, и введение в состав естес-
твенных предисловий и в обитание отца Божия. В
распространении своем и при сокращении брате истин-
ности она будет со всеми сторонами открытой истины, доброты
и прекрасной сущности — благославия; в жизни
существовать и развиваться лишь развернувшись с божествен-
ного своего стремления в свободном пространстве
жизни. Она не будет жить глядя на смерть и во жизни
жизни своего развития или закончившая жизни жизни
жизни, а будет весь око, весь глот, весь жизни и жизни
жизни. Вникнув, однако, в одну интересную часть жизни
жизни: как в жизни жизни первоначальное жизни,
первоначальную форму и естественные жизни нашего жизни
жизни, которая жизни и жизни на жизни и жизни
в жизни жизни жизни; так жизни жизни
жизни и жизни жизни жизни жизни жизни жизни.

показывая добродетели своего смышля и максимално
в пользу для его лица, для его семейства, или друзей, выгоды, которые
он мог бы в беспорядочном случае приобрести неправдой,
вредом чужим, подаянием милости, против совести, извильного или
другими какими ~~иными~~ нечестными способами, где безопасность
быть открытым и извещением предвещением искушений. Но мо-
жет случиться, что привязанность к родителям, к детям, к свободе
подвергнет его или его семейство чуждым вольям; похуже
нужды бедности, рабства, смерти, или сиротам еще больше неостере-
жливости. Что в таких случаях обязанность добродетели тайно
или открытою обязанностью совести против принуждения, стои-
многоразлична в выгоду, против всякой тайной воли, и про-
непредостереженного почти старания тайной природы отъ отъ
искушений? Борение бывает между семейством, или обстоятельством
преступления такого ^{рода} допускающего обязанности и до известной
степени извещающего природою, естественною расположением,
свободно в родившем и чуждым, может быть в зависимости, что
даст ^{еще} какое вид добродетели. Приобщение и то, что преступ-
ние совершить, по малой виновности, может быть дурачить по
судебной, может быть чуждо, может быть приметно и
праведно будущим хорошим поведением. Не трудно предать,
во какую сторону обратится большая часть людей в подобном

случае, и как ту часть превратит по противоположной сто-
роне, как можно помышлять о Боге, и Провидении, о бес-
смертном состоянии возмездия, что бы утвердить душу в по-
добном нападении!

3e

Но и в тех предположениях особенная слабость, частая
неправильность разума и чуждость, что добродетель
не только в земной жизни благоудно ему, но и будущее
пока смерти, чуждана соответственным наградам, вели-
ким и неокончательным, дажно случится не только своему
спросу добродетели и величавой к ней поощрения, но и крив-
нью и цитой против порока. Мысль о Вселенной ~~и~~
будущем отоме, как часть
эти неостереженные мысли мучают и мучают душу самого
зачастого грешника! С другой стороны, как утешительна
для доброго лица чуждость, что он ходит и действует
пред всеми судиями друга! Как благоудно мысль, что на-
стоящее состояние связано с будущим, и всякое отноше-
ние, в какое он поставляется, может быть со доблестю, чуж-
достью, безплодным чужданием, смирением, покаянием, и
вводит его в великий мир и долготельности и наслаждения!

с/ф

Наконец, как страшно вужитъ въ еяной сердци некое
что, какъ разбитыя дръ земли и торжественный вѣдъ
въ адство свободы, законности и совершенства, что вѣдъ
на и мудрость озаритъ его отовсюду, что вѣдъ и способъ
найдетъ соответственную пищу, и добродетель его, часто
вѣдъ протаскает, возсияетъ свѣтлою почтоудивитъ.

А. Третья.

Мн. Душны. Алексина.

V.
Разсужденіе

О Поматіи и суетной безконечнаго.

Мы пила философовъ, предпринимавшихъ разрѣшить
великую проблему о бытіи существъ и о конечности
ихъ вѣдъ, многою манерами ева умозрѣнія отъ
безконечнаго, дабы посредство ево доводило
до конечнаго. Такой дождъ былъ даже въ ель
Платонистовъ, начиная отъ Платона до Спинозы.
Откуда происходитъ, что они не только не успѣ-
ваютъ доказать въ извѣстномъ бытіи существъ
конечность; но самыя доказательства ихъ принима-
ютъ добровольно; самыя начала ихъ требуютъ сами
доказательства, и въ зданіи ихъ прочно въ ево основаніи.

Обративъ оному бытію можно идти добудить
бытіе въ здравой логики. Надобно возмодитъ отъ
конечнаго къ безконечному. ево внае тогда вѣдъ
знаній лѣтеснаго должна пододитъ въ ево бытію.
Мы возмодитъ великую едигетвено по ево
умнопредставленію, а умнопредставленію по ево
нае самодѣ. Пустьсе ева сама ето та ево бы-
шая тогда, на которой утверждается вѣ то, что
мы ель, и что ильдеи; бѣто ево вѣ ево ево
ижево; или тогда евантъ: въ умнопредставленію ево
мы ево самъ обратимъ въ ничто. Пустьсе бытію

ство действительное первоначальное, которого не можно ни разду-
ривать на составные части, ни доказывать, ни приводить
к другому простейшему того действию. Мы отыскали
себя отъ представлений, а представленные отъ пред-
метовъ. Я, и что не составляет меня, суть два по-
нятия (concepts) равно известныя, которые, кажутся, одно
другое взаимно предполагаютъ. Суть же самаго не
отдѣльно отъ того понятия, что составляет меня;
и понятия того, что не есть я, указываетъ уже на су-
твое меня самого.

Посредствомъ представлений эти понятия много отъ
меня самого познаю и отыскаю самую себя. Подлежащее
(Sujet) имеетъ отношеніе къ предмету. Представленіе не
можетъ быть независимы отъ представляющаго. Предметъ
(Objet) имеетъ отношеніе къ подлежащему. Отъ его нача-
ла, или начала отъ его первоначальнаго действія, раз-
дается начало понятію конечнаго и безконечнаго. Конеч-
но — это я, который имеетъ начало всегда опредѣленнымъ обра-
зомъ, и могу измѣняться различными способами. Совокуп-
ность (totalité) представлений или лучше все бытіе и суще-
ство (totalité) представлений или лучше все бытіе и суще-
ство въ томъ менѣе наодраживая, и отъ меня не зависящая,
словомъ великая заключающая все, есть безконечное.

Какой бы понятіи ни составилъ гнѣз в себя самого
и в великой; онъ всегда себя находитъ существомъ конеч-
нымъ, поставленнымъ среди безконечнаго.

Суть великая будетъ совокупность бытія и единенія
всего существа, или будетъ будетъ она единичная

только въ видѣ явленій, которые поразнаются, или могутъ пора-
зить субъекта; пусть великая попытается изыскать самую
тождественную существамъ (substance), въ отношеніи въ которому
все существа суть только безчисленнаго обратнаго измѣненія; или
пусть великая будетъ обратнаго всего существа самостоя-
тельнымъ, что оно между собою сопряженными и действую-
щими одно на другое; пусть великая существуетъ потому,
что существуетъ, или пусть существуетъ. Она подъ условіемъ
существованія другого независимаго существа, которое суще-
ствуетъ безъ меня. Пусть же сама существа будетъ от-
лична отъ великой, или пусть она составляетъ душу
всего: во всякомъ случаѣ существа, и въ томъ духу соотношенія въ
законахъ ума, и другіе ему противны, или всегда обратнаго
среди безконечнаго. Великая и Богъ составляютъ такое существо,
въ которому ни чего невозможно прибавить, которое содержитъ все,
содержитъ все; былъ его начало какъ бытіе, и какъ вещь бы-
тиости; былъ его какъ бытіе и какъ вещь бытиости. Безконечное состо-
итъ совокупности бытія и вещь бытиости, заключенно въ себя
существа не только такія, какими они кажутся въ случай-
ности и подъ условіемъ, опредѣляющими другіе существа,
или какими они представляются самимъ собой; но существа
въ самомъ себѣ, каковы они суть независимо отъ такого или
другаго образа опредѣленія.

Поскольку же изысканій мира, или лучше изъ действительности
суть не подпадаютъ области чувствъ, которые постигаются толь-
ко духомъ явленія; то мы не можемъ иметь въ насъ менѣе по-
нтя, а еще менѣе понятій раздѣляемыхъ. Ибо, пусть понятія

иногда, надобно отличать один предмет от другого посредством словесных названий; чтобы иметь понятие различия о предметах, надобно знать весь составный его начала. Мы имеем ясные понятия предметов, которые могут быть понимаемы внутренними ощущениями, или внутренними чувствами; различия понятия именовъ мы о предметах, кои постигаемъ чувствами, и коимъ можемъ опредѣлить свойства. Но миръ и видимость и безконечныи не дѣлается на наши чувства, и мы знаемъ объ немъ одни отрицательныя сужденія. Мы знаемъ въ довольно точности то, что не есть миръ; но незнаемъ того, что онъ есть.

Между тѣмъ кто вводитъ въ разсмотрѣніе самаго себя, тотъ говоритъ существованіе мира и видимаго и безконечнаго, отличнаго отъ его зримаго и конечнаго мира. Существа суть дѣятели одни только явлены, или сами составлены явленіемъ для своихъ слѣдствій; но говорятъ о явленіи, предположая, что есть что либо скрытаго подъ симъ явленіемъ, которое открываема нами и полно, представляема въ извѣстности, и такъ само природы свои оставила не проникнутыми. Тѣмъ самымъ, которые чувствуютъ предметы представляють существамъ истиннымъ въ существующихъ и неизмѣнимыхъ имъ образъ, принужденны когда и то сказать словесно не постигаютъ всего истиннаго и чувствительнаго

мира; понимаемое имъ есть одна точка въ обширности, которой не можемъ объять его зрѣніемъ.

Истинное безконечное есть дѣятели одно понятие; но это понятие необходимо, которое имъ противу воли дѣлается отсутствиемъ, понятие, которое беретъ начало въ нашей мыслящей природѣ, которое производитъ отъ первыхъ законовъ нашего разума. Понимая мы не можемъ ни понять, ни объять истинно безконечнаго; то воображеніе наше, сила постигнуть и уразумѣть оное, превращаетъ безконечное въ неопредѣленное. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть илго столь притворило одно другому, какъ быконечное и неопредѣленное; одно соединитъ въ себѣ все, а другое ни когда не соединитъ всего; въ первомъ илго не можетъ прибавитъ, потому что оно есть полное, независимое, совершенное; въ другомъ можно всегда прибавитъ, потому что оно всегда не полно и можетъ допустить прибавленіе. Безконечное есть сфера. Неопредѣленное есть прѣмая линия, которую всегда можно продолжитъ въ мысли. Не смотря на такое различіе мы сближаемъ имъ безпрестанно; мы дѣлается достигнутъ одного, употребимъ другое; мы покупаемъ всегда заимчивъ обширнаго картинаю, илго него беряцено дѣятели разума, то отрицательное понятие, которое илго не говоритъ дѣятели воображенія.

Силы и способности человека ограничены. Можно расширять их по произволению, можно увеличивать область их действия на предметы. Предельно могут развиваться, но воем числительным быть не могут; всегда остаются бюджет множества предметов, до конца они достигнуть не могут, и всякой их частью ограничены тем, что составляет его.

Только бы существо конечное увеличилось, всегда можно еще прибавить нечто к тому, что оно имеет. Какое бы ни было предание составилось частью какого числа, всегда можно брать порознь их когда и составлять, сколько; и число всегда будет содержать (будет) полное собрание частей.

Атакъ же существующее и будущее всегда существует. Если бы конечные поставились в безконечном. Отсюда происходит, что мы познаем существа конечные, и никогда не в состоянии узнать безконечного: ибо тот, кто узнал бы безконечное, был бы безконечен. Но как разум наш дает нам понятие о безконечности и составляет нам допустить оное; то мы будем знать всегда, что безконечное существует, и будем стараться достигнуть до оного посредством неопределяемого. Истина конечная была, мы никогда

не будем в состоянии действовать на безконечное, но безконечное будет действовать на нас. Представим себе какую нибудь существа, входящую в состав безконечного числа, мы и можем и подлинно тайному и коварному на нас действовать; ее понятие будет втекать во все наши понятия; оно будет иметь влияние на всю систему наших отклонений, влияние, о котором мы забываемся не можем, или, лучше, которое мы будем употреблять с большим, но которое не имеет (будет) того бюджета действительного. Безконечное или невидимое величало, в разраженном виде природа видима, есть некоторый род оттока, или по крайней мере одна малая часть и может применяться предметом познаний человеческого. Но оно может быть, как и во самом духе есть, предметом темных догадок, интуиций, предчувствий человека, и обрывает свое присутствие и свое влияние во все наши страсти и действия души человеческой. Когда бы даже большая часть могла и приимать в себя все широчайшее качество, и ей внутренней потребности безконечного, то и того не существует

какие они противостоят роду живому. Но само же дитя
материальное искусство представляет вату определенным обра-
зом, округлостью очертания, отношением толщ и строгих.
Свое бытие существо, выходящее из идеального мира, выхо-
да и ваятели, принимает на элемент и материал
кертв, определенных, единственных, отвлеченных; чья
больше труд приближается к совершенству: тем же боль-
ше возмущает похвалы и удачи. В первом ваятели
бесконечное кажется совершенным, придать в области
правильных и конечных образов. Но великая та-
на художников состоит в том, чтобы посред-
ством конечных образов ввести в душу зрителя бескон-
ного. Произведения искусства, имеющие одну правиль-
ность и чистоту, никогда не возмущают зрителя
и не действуют на него сильными впечатлениями; будущи
состоят в восторге, они не могут возбудить оди-
н дружеский; они слишком мало заключают в себе ма-
гического искусства, чтобы могли привлечь и охарактери-
зовать; — следовательно, как не было охарактери-
зовать восторгом. Такого рода произведения заключают
в себя одно простое удивление; посмотрев на них
одни, никто не захочет более их видеть. Одни
Сей же умеет избирать предметы, которые разлагаются
в нем великое множество понятий, и возбуждают
оные в душе его подобия; он обрабатывает их
предметы так, что в произведениях своих когда
каждый исключает от выражения, которое заключает в

себя целый мир чувств и понятий, и открывает оные
в душе; — которое тем же самым кажется историческим
и истинно-бесконечным, тем же более и тем же внима-
ние кто рассматривает оное. Одни же образы
творения, которые возмущают в себе не два харак-
тера, могут производить те же два чувства. Они
возмущают зрителя войти в аналитическое, ваятели
в него чувствительное своей действительности, и про-
изводят впечатление от удивления и страха. Но, что
оно видеть, есть конечное; что невидимое, что пред-
лагается, что чувствуют, что возмущается, есть бес-
конечное; в одной радости видят все радости зем-
ные; в одной боли видят все страдания; в од-
ной страсти все свои пороки и страсти. Терпимое
французский похитил на своей душе, и ее похити-
ли, не нарушая законов красоты, дает нам
понятие о возможной величавости сил. Восторг
Материальное искусство на изображение страха;
это же восторг и величавость красоты выражается в одно
время и чистоту и не порождает души и благо-
словия; это же восторг, который Рафаэль хотел и
отличить Богоматерь, сивать в одно и обра-
зуются все таланты и любви земной и любви
небесной, когда имеет видимость мира в невидимом
и конечное в бесконечном.

Сам искусство представляет и имеет предмет

разрешившая понятия о непознаваемых предметах, но неравно-
но большее число ясных понятий, и наконец безконечное
множество умопредставлений телесных и чувственных, кото-
рые должны непременно выводить из его содержания су-
щности и свойств их не телесных образов. Въ этой
системе чувств безконечнаго изъясняется лучше, нежели
во всехъ другихъ. Эта система есть комбинация мето-
довъ, какъ точное и блистательное умозрѣніе, кѣмъ одо-
решаго Платона; но бытіе и необходимость понятий та-
кихъ и неоспоримы. А такъ чувств безконечнаго съестъ
бытіе и некоторому роду новой самостоятельности; эта
самостоятельность неизбѣжна; одна только она можетъ
почитать себя справедливою и именно она одна. Въ
прокіахъ есть одинъ методъ бытіе или методъ ^{теплымъ} чувствитель-
нымъ, заблужденія бытіе или методъ чувствительнымъ,
или нравственнымъ не други. Возникаетъ самостоятельность
добровольности однимъ или другимъ понятиемъ, шедъ
тѣмъ какъ истинная самостоятельность, соединенное въ
чувствіемъ безконечнаго не допускаетъ чувствительныхъ понятий,
равно только въ тѣмъ случаѣ, когда разрешившее и ясное
понятіе во все невозможны для гика. Возникаетъ самостоя-
тельность въ это разумъ поставившее чувствіе и тер-
ется въ раздѣленіемъ методическимъ среди такихъ предив-

29
товъ, где человекъ можетъ познать и долженъ думать
вообще. Истинная самостоятельность съдѣлаетъ разумъ
съ понятиемъ чувствительнымъ, доколе онъ можетъ ~~еще~~ быть ее
руководителемъ; но где осталась известная разумъ, такъ
чувствіе представитъ ей понятіе безконечнаго и дастъ
полную свободу наизидетъ ее. Возникаетъ самосто-
ятельность не можетъ познать того, кто состоитъ
въ возможности познаний человѣческихъ, и помогаетъ
знать то, что невозможно для чувствъ, для судовъ,
для разума человѣческаго; она не понимаетъ конечнаго
и думаетъ, что безконечное для нее открыто. Она
приражаетъ отъ природы, какія можетъ иметь съ
существомъ ее окружающимъ, шетаетъ о невозмож-
ности сообщенія съ безконечнымъ. Истинная самосто-
ятельность елиживающъ положительныя познания всего
того, кто можетъ быть познана; она не отрицаетъ
и не утверждаетъ того, кто превосходитъ сферу нашей
разума. Она требуетъ то понятнаго языка, го-
воря о ширь, о чувствіе и о бытіе; она любитъ воз-
цать существа конечныя и еі окружающіе, но когда
представляется безконечное, она предъ нимъ благо-
вѣстъ и крашитъ молчаніе.

Челъ человѣческій долженъ подвергать испытанію
и наблюденіемъ все то, что можетъ познать онъ;

человек громады чувствует, что вселенная не выско-
стает в кругу его наблюдений, не замыкается в пре-
делах его мыслей и возвышенное соединяет его с
целиком миром. Неудобно разрывая и повернуть в
дуги нашей ей чувств, расширяющее бытие наше,
и доставляющее нам познание о собственном на-
шем величии, оно может служить к укреплению
чувствительности и к возвышению духа; оно есть
неизгнанный подпора религии, равно как и ее ос-
нова; даи жить точку на которой бы я могь опере-
се: это первая потребность философа, поставь
шея на предельных безконечного, и содвигай, дабы и
предчувствовать неопределимость, это должно быть
попытание изъ его земных.

Аннотация.

VI. Разсуждение

о великом характере.

Тот же есть совершенство ума; а великий характер есть
совершенство воли. Совершенство человека в полном смысле
благое состоит в соединении великого Телеса с великим харак-
тером. При недостатке в нем равно сильного и полного харак-
тера и Телеса немало будет пасть и то, когда в силь-
ное соединение наблюдений будет барьером между его умом и
его характером. В сей точке зрения волею какъ люди пред-
ставляют оцубительныя противъ положительныя. Одни, какъ гово-
ритъ Декарт, имеютъ умъ в своемъ характере; а другие
имеютъ характеръ в своемъ уме. По сему последнему волею
имеютъ Телеса, немало воли; и какъ обличены в своихъ понятияхъ,
какъ все совершенно обвещаютъ, но думаютъ противъ своихъ
потомств и противъ ей чувствительныя. Вот таковы суть люди слабые.
Что касаясь до первыхъ, то они имеютъ волею воли, немало Те-
лес; крѣчь ихъ понятий мала, да и самимъ понятиямъ слабы и
слабыми; вь практическомъ ни какъ оцубительныя, они наблюдаютъ
цубительное совершенство. Вот таковы суть люди твердые.

Нельзя возмещать эти возвышения Теней до совершенного равенства их характеров; ибо Тени есть царь природы; напротив славно возвысить характер до идеального первоисхода Теней, ибо характер состоит в воле; и во всем отклонении наше величие зависит только от нас. Что есть великий характер? Кто какому составляет какать онный величия? Каким производит он днй ствйя в мире правительств? Каким обстоятельством он ствйя ствйя к его развитию? Это вопросы, которых хочу я обозначить и разрешить на имя некая, но не вдаваться в подробности.

Отличие доброго характера от правительственного не должно ощущаться только, как и разность между природными и великими характерами. Добрый характер есть тот, кою исключительности, стремления и днй ствйя по одному только признака природы не имеют в себе ничего злобного; напротив характер правительственный предпочитает то, что есть измышления, понятия и днй ствйя какого либо шовна шовна твердое и определенное направление к порядку и правительственности; по сему первый имеет достояние отрицательное, а второй положительное; с первым люди раздвигаются, а вторым образуются; первый есть следствие обстоятельств, а второй есть плод упражнения. В добром характере, както обясает слабый, а характер правительственный может быть иногда неблагороден.

Прекрасный характер есть тот, кою отличительные черты составлены в вторичные. Он имеет стремление обобщенное и истинно великое уважение; естественная ^{ревность} доводит его всегда почти

до самоубийства; одни качества днй ствйя трогают его; она состоит в тончайшей гармонии чувств с душевным благоуханием. Но сей характер может быть слабым и не имеет отерий — нульма на прощ вступило приращение днй ствйя.

Великий характер есть нечто выходящее и весьма редкое. В нем соединяется прекрасное с великим. Сила воли, хотя бы была совершенной крепости, никогда сама по себе не составляет великого характера; но без такой силы не существует этот великий характер. Дтерия в каком либо шовна сего не может удовлетворить нам ни в его пути, ни в его средствах. Характер во всем великий, великодушный и благородный такой сего не составляет великого характера, ибо в нем не может недостатка сил и твердости; но без возвышенности души не может быть великий характер; ибо одна сего во всем великом определяет великость цели, и отвергает широту средств.

Максим образом великий характер заключает в себе два составных начала; — силу воли и владность понятия над раздвиганием и пользами. Разрешив ей два начала.

Делюто шовна, говорил Аракемидъ, толику, и я подниму все свить. Шовна сего характером наводит сего неподвижно толику в самом себе; эта неподвижная точка есть его воля. Делю

пошлину больше предупредим и оставим эти два слова, не имея
судить начало к их проведению. Понятия, о которых говорю
ворит, в существительном смысле составляют начало для
твоя. Велика нравственная потребность народа: но понятия
лишь в области науки, а не той в смысле общности
сего слова.

Маловажнейшее есть совершенное безразличие. Кто может
принять все, привидимые черты мысли народа; кто сглаженный
хозяйством ко всему, что можно до него касаться, уйдет по
себе какому-либо одному высшему предмету: тот есть истинный
роль, каковы и были предметом его деятельности. Если понятие
есть быть предметом покаяния по жертвования в расцвече-
нии мысли; ибо можно ли что-либо кроме себя
встать в упрек мысли, кто действительно повидимый
себя оторвать? Подъими понятия радиетом предмет, как
ако мысль поучает внутреннею и ее достоинство, независимо
от каких-либо сторонних побуждений; предмет идеальной
жизни принадлежит, и следовательно в существе
жизни таковы совершенными. Мысль есть понятие. Божество
Религия, истина или познание, красота или искусство, благо-
родство или добродетель, благо общественное или челове-
чество, национальная свобода или отечество.

Вопреки слову идея скрывается нечто действительное, некое
идеальное: пошлину все эти понятия, законности, истины и истины
или самокритики. Пошлину можно сказать, что есть истина
мысли, красоты, нравственности и патриотизма: ибо никто не
походит на Богопочтание, как-то в идеологии, которые
идеи исполняют при своей понятиях; — не без приличия
уверенности и то, что мысли или проникнутые
идеями мысли, сами того не признавая. Свободно
объекты мысли ко всему своему разумению, но и
свободно, превращаясь в идею в отдаленности
своей мысли, сглаживая одну душу души своей; или
идею в отдаленности, соединяет в мысли к
идеологии, перемещаясь в идею от одного
понятия к другому, соединяет ее мысли в понятие
идеологии и идеологии; вот во всем состоит идея
идеологии.

Душа врожденного идеологии или идеологии непрерывно
идеологии в отдаленности, и соединяет идею в идею
идеологии, соединяет ее мысли в идеологию от
идеологии, соединяет ее мысли в идеологию и идеологию.

ликая привратности, сохраняет только самим себя и на-
ходит амисферу сообразно существу своему.

Великий характер состоит в силе стремления, и в силе воли,
которая ему присуща, и как бы судитвенно ему присущей
принадлежности. Но и сила самоволи, она сообщает
исключительно советничеству. Во истинности, любовь к славе
и благородная гордость всегда побуждают к себе талант особенный,
знаки его отличия и непогрязимости.

Во истинности никогда не переживает в слабости, любовь
к славе в другом смысле, благородная гордость в благород-
стве. Сущность таланта: дух великая и великая благородства,
совершенно терять по виду свое достоинство. А, со всем свободой не
рубить в безмерности похвал, единственно в силах она. по ма-
гистру свое истинное, свою славу и свое величие, — она сама в
книжке скажет и о величии себя, во внутренне величие не гонит
мать его говорит об этом так и в виде и в некоторой
самоволиности, но в книжке скажет о величии похвал
или о величии достоинства, но величье же по не самоволи
как в совершенстве не пожелает ему терять много времени
на тщетное и в обидение. Его достоинство, поистине,

благотворно увеличатся его во будущее, которое зовут его, они
дают и требуют; а все же зовут в нем зовут его прошедшее.
Видны удостоверены по познанию, как по невольному знанию гра-
мента. Влияние похвал, она во все неприятие исключительной:
ибо удостоверены советничеству достоинство в действительности в него
истинное отвлечение от похвалы. При издании
каким одним добрым духом зовут его зовутся с кем
силы таланта и другие и в нем отбывают. От добрых
устрашится и того, чтобы равнодушно смотрит на себя, не
пожалеть себя по невольному. Она зовутся и это само
от себя похвалы, и не знает, чтобы со временем зовут
его в издании похвалы, сами не зовут на себя зовутся?
Таланты суть отличительные черты характера, она ма-
гистру или духом составлена таланты: и в похвалы зовут
обиды само, и в себе уверенности и в похвалы.
Одним талантом великий характер зовутся таланты сущест-
венно величье. Таланты же не оставят его величье, похвалы
что она есть дар природы, а талант невольно зовутся
величье во таланты, что похвалы она от природы, — она зовутся

таков была личность, как посредство между тем, как есть,
который сам дает себе; и потому его великие усилия
быть собственными его произведениями. Совершенство воле
гордо выше совершенства ума; ибо оно есть порождение
самой сей воли.

Ясно можно увидеть, что сущность естественная принадлежит
Телю и его соответствующим к его развитию объективным условиям,
какие отношения существуют от него. А потому все же природа
проникнута в себя вторыми силами, которые на его развитии
носят великие последствия: напротив, когда в
нас можно определить сущность естественную приращивающую еще
великому характеру, — сам он по крайней мере употреблен
в том, что составляет его совершенство: Телю, погодно
великая сила природы имеет Телю только отноше
тельную, а потому об этом, можно судить по одному
сравнению. Напротив, в то же время можно определить,
в чем состоит совершенство воли; и потому не дол
жно утверждать, что нет возможности ее достигнуть.

Телю погодно великая сила природы, имеет же
температура, зависящую от направления
и предмета, напротив, характер благодетельствует над

своими направлениями и предметами. Мы же по своему
разбору видно, что одно только великое качество можно
сообщить великому Телю. Можно сказать, что некоторые естественные
силы никак нельзя отделить от великого характера. На
против, поистине над возвышенного и сильного духа всегда
предполагает обширную силу разума: таким образом
великий характер всегда принадлежит порождению естественности
на все свои произведения — буржуа или они действуют или
сообщают; таким образом на все свои дела она разви
вается инициативу охранительности: ибо все это же
имеет в действительности.

Судя по их деятельности и по их естественности
великому великому характеру на мир правительственный от
ности можно определить, в каких видах и на каких она
существует. Отвечая на неопределенные предпринятые,
предельные виды и много трудных упражнений, которые по
данным представлено поистине поистине. Умение
по временам протопить и прожить во временах предугадать;
не много поистине, но поистине великих, сильных и всегда

применяются; не только рассуждений, но и вообще
смыслов, а также чувствительной, живой и энергичной; а
еще и неустойчивости, помертвевших без мысли; страсти
без подлинности в выборе предмета и средства; и отвра-
щения или привлекательности в отношении к нашим чувствам по
близости; в управлении Государства, твердое намерение
удовольствия или свое в потешении, и следовательно
виды отдаленные и обширные; в почитании слава не
ограничена позорными выгодами и тем не теряющая
своекорыстия; в отчаянии победы или смерти; в правлении пред-
судии и свободе; в философии иурополюсисе безмы-
слии, прощательности без утонченности; чужд возвышенности,
мелочи, прелесть, в поэзии и ижесть безтонности и
естественности, в формах достоинства, и словоизме-
нения, во всем безразлично и усовершенствованная простота;
это отвлеченный черт всеобщий и вечно.

Но противостоит ли сущие несут чуждо-
вату сущности и превосходство принадлежности, каковыми
всеми характеры удерживают свои свои. Из самого духа,
то можно усмотреть в том вначале, которые не отменив

существования всеобщая характеры? Могут ли быть помысли,
в обращении, по силе календар, можно там в превращении помысли,
они укоренены в чужд, ижесть Государства всеобщие на отны,
где теленность в чужд, но в его прощательности непрерывности
погрешности, и неистинности чужд, прелесть на прошедшему,
склонность к безмысли и высокомерию, та непонятная
достоинность на будущему, которая жертвует отдален-
ными видами минутному благополучию, и которая в
ошибках у отцев слышит и у нас для права на неустой-
чивость; некая где была предосторожность на чужд и чужд
философии в отдаленности от чужд; следуют те же мысли, кото-
рые задерживают в одной голове без малейшего отклоне-
ния к сущности духа, таковы и чужд, где помысли
свои казато; отдаленность в предосторожности, и робкое
селебодушие в истолковании отны.

В таковы вначале то можно в отдаленности от
знаниями, ижесть, Религия и помысли чужд
твееми? в знании? — они помысли принадлежности себя до-
стоинство, чужд чужд только помысли помысли — по

отношению, по которому мы не всего способны утратить оных;
они как бы несут упрямство в самих ^{их} себе, и не имеют только
простеньких средств своих. Управляющие собой не так, влиять это того,
^{чтобы} сь и метили и безкорыстно равно пламени им словить
науки для внутреннего нас превосходства, влиять это того, чтобы
предпочитать иному в ней самой про истинности и не
выходя, довольствуясь лишь приложением наук и одностран-
ной мысли, ограничивая и ограничивая для сего утратили. Влия быва-
ют науки? Они оставляют идеальную смир, единственное и
естественное нас обидение, для того, чтобы и подделывают под
смирю вещественную; возводятся в опору, утверждаются
непреложное существование, и уже проли онаго ничего не видя, и
ничего не зная, ничего не испытывая для по драматизму, и ничего не
производит, между тем как наука полюбил или не знает в
оной только для того, чтобы взять спорить, в которых
должны облекать свои понятия. Мыслим любители науки
ищут в нас только допоселенной чувствительной удовлетворен,
каждый единственно посредством оных управит оную, и до-
ставит себе приятные ощущения: но какой тьмо стной ^{жур}
встретимся они на пути своей земной, если бы, забывая

в неучастиям и лишние услаждения, хотели бы нести в нечест-
ную оную обиталищу! Машин образом, неуправляемыми
наше направление своему восприятию, они хотят ^{видеть} только самим
себя и в познании и в эмпирии. Суровыми, суровыми трудя-
ся для таковой публики, неустойчиво унижающей и
самой, стараясь сообразовать свои произведения с действительным,
они мало заботятся оном, переизучить им свои произ-
ведения; для нас довольно, если они есть, безмерные в
малом и в том, что бы, не имея мысли в развитии, чувстви-
на и роскошная; и каже суровые видеть, что Терон,
влия это того, чтобы действительно стью своею возвысить со-
временности до точки свойственной себе превосходства, сама
никогда догубившей себя свойственной. Влия будет в
смир? В малом правительстве ничто больше, кроме убого для пер-
ни; для души и интеллекта и потянулось услаждающей бржу-
ней, в которой Терон единственной чувствительности не ^Р
тот же удовольствия как и в музике; для людей читающих
себя простыми — и в том же пределе — тем со-
старшим орудием, которое не только произвело великий

открылся ему и разум, и подлинно, присел смирительно убогим,
по ступни саемши презрительныи. Не терпеливо отъ про-
летаетъ изъ равнодушия, сивдо сердца насъ разслабленъ
духа, сиромови въ ^{окрыто стн} стн или покою. Безопасность оми пръ-
ности тавотъ, хести и свободу, а сирное спонод ствѣ оми омавр
внше всего; дръ насъ сурши ситъ саемши по ступнии образъ,
иошии умереть со славою. Зо умаселствъ и расасаввадр.
— Миръ неотаменъ акиби сире створеннѣ сиръ вселити въ
Характеровъ естъ иже стъ инос, пакъ трупъ, отъ которо сиръ
ни токъно нарушии признаки сирши; и родъ сире створе-
ннѣ по тиръ стн илъ виду идеалное сире створеннѣ, по тире
его обилоросииваетъ, и сирши, по тире стъ составиетъ иети-
ное бытнѣ, достѣтнѣ ожноу оиалности. —

Сочинен. С. Анкасиллова, чина Королевской Ака-
демии наукъ, въ Прусии. Перев. съ Франц. С. Др.

Религиозная нравственность, или обязан-
ности по отношению къ Богу.

Извѣстно, что обязанности опредѣляются отно-
шеннѣи; по стосиу, тобы показатъ, каковы должины
быти наши обязанности къ Богу, взглянуть сперва на
ишотрѣтнѣ отношеннѣи каковнѣи къ Нему.

Богъ естъ творецъ вселенна, Богъ призванъ его къ жив-
ни и надръ сирши вѣтши способностями, посредствѣи нѣи,
онъ вѣдудитъ въ связь съ самимъ собою, въ подобиини сѣбъ,
съ природою и даише съ Богомъ.

Для каковнѣи достаточнѣи проситъ тольио оуиъ
взглядъ на самого сѣбъ и на окружающу его природу, тобы
познаиъ, тѣиъ обязанъ оиъ Билковнику своего бытнѣ. Ра-
зумъ и свобода дѣлаютъ каковнѣи царемъ природы, вѣн-
цаиъ твореннѣи. Правнѣи нѣиъ употребленнѣиъ своихъ спо-
собностей, которѣе зависитъ отъ его произвола, онъ дого-
дитъ до познаннѣи Бога, господствуетъ надъ вѣтши жив-
тнѣи и покоряетъ сѣбъ природу. Створеннѣи по образу
Божию, шогуществоиъ разумъ каковнѣи подражаетъ
своему первообразу, и обращаетъ вѣтъ шлы природы въ свою
познѣи; Философнѣи, Песнѣи и трудосиовнѣи дѣлаютъ
его владыкою шнра дѣиствешала, идеалнаго и вѣщесѣвѣтѣаго.

Нельзя никак предположить, что бы человек пере-
ступил, или во что бы ни было в смысле бытия иудейской,
его утробы в науку и искусство неограниченны, и до ка-
кой бы высоты не поднималась она своим смыслом, это возвыше-
ние служит ему только только отравлением в высшей со-
статки. Это высокое казнение, эту силу, которая действует
человека на нем способная, человек сам не сам себя; он
получил все это от Яшувина природы; самая жизнь его
не только есть дар, но и благодеяние. Пусть несчастные,
побуждающие высшей страсти, воле употреблению свои
благородные способности, обещают творца великой в
своих безпорядках: все их возмани не больше, не меньше,
как и Клевета. Число их даст нам самая лучшая укроет
любо вето тверд на земли; поэтому дух его благодарит
даровавшего ему эту укроет.

Маленький образчик, Бог, по отношению к человеку,
есть Высочайшее, Благодеяющее существо; а по
обязанности человека должна состоять в повиновении
Богу власти и в признательной любви за благодеяния. Это по-
виновение и эта любовь составляют религию, которая есть
только между человеком и Богом, подобно как обещано
есть общими человеком от подобными ему. Религия связывает
человека с Богом, землю с Небом; она положена на ту
двойную сущность, видящуюся в природе, по которой с

Богосудни низлагали на землю, чтобы предавать людей
повешенной Богу, и возлагали на них для наказания мо-
литва и наказания земли. Религия размышляет всегда жизни,
обращает внимание человека на волею мира, показывает
его наказано, его путь и наказание путь. Без иудей Бога, без
стремления к Богу, земля превращается в в смысле
проклятия, в котором торжествовали бы все низкие стра-
сти. Человечество, отпадшее от Бога, повернулось в в
второй раз и растеряно.

Религиозная жизнь, т.е. повиновение воле Богу и
любовь, которую мы благодарим Бога за благодеяния,
составляют Богопочтение, или внутреннее поклонение;
но эти чувства должны иметь некоторые знаки, кото-
рые выражали бы их. Не возможно, чтобы разрозненное
сердце не обнаруживало своего восхваления во внимании чув-
ствительных знаков; знаки эти, выражающие внутреннее
существо, составляют внешнее поклонение: зрелище, как
и во великом мире основание предполагает форму. Как
смысл обнаруживаемая любовь, так религиозное чувство
проявляется во внешнем поклонении. Требуется, чтобы
любовь к Богу выражалась только во святых делах нашей души,
значит возмущаться против всех законов природы. Все,
что ни существует, необходимо имеет наружную сто-

рому; посылать, которые признают только внутреннее покаяние, называя существию или пустым обрядом выражением религиозных чувствований, религиозно не зна- томъ силы мысли и закона ее развитие.

Внутреннее покаяние относится къ религиозному чув- ству, какъ слово къ мысли; выражая, оно достигаетъ во больше мысли. Это покаяние действуетъ на чувство религи- озныхъ образцовъ; оно укрываетъ его, сообщая ему, такъ ска- зать, тѣло, и отъносится къ нему самымъ лучшимъ, чуждымъ образомъ. Если правда, что существуетъ Истинный Фидеизмъ для религии христіанской, то помыслите теперь, сколько благо- приятна была бы религіозная величественность христіанства раз- витію мысли и образованности? Перенеситесь мыслію въ одну изъ тѣхъ чудныхъ Бразилій, которые въ Средніе вѣка созидались во славу Божию; представьте себѣ на- родъ поверженный на колѣнахъ и подножіи. Алтарей, востова- лоцкій тѣмъ благочестивымъ тѣмъ, которые на его колѣняхъ и алтаряхъ, суть какъ бы нѣтъ таинственной, священной службы. Теперь спросите самихъ себя: это сильное выраженіе чувства не способствуетъ ли его въ сущности вознѣсти? Что касается до насъ, какъ бы ни многоуши были наши сердца, мы не можемъ стать подъ сводами готическаго храма, взглянуть на эти окна оканчивающіяся на подвѣсѣ ступень, просивающія отъ

ней свѣтъ на все пространство, лѣтъ того, что бы не вознѣсти на Богу, не почитать, что есть надъ нами Великая Величественность, противъ которой не можемъ вознѣсти вознѣсти.

Все достоинство внешнего покаянія зависитъ отъ внутреннего. Часто случается, что люди слабѣе принимаютъ форму за сущность, и всю силу свою полагаютъ въ испол- неніи внешнихъ обрядовъ; нередко обидѣя кровью подъ кровомъ Величественности своего преступнаго грѣха. Но ни еврейскіе, ни иудейскіе не могутъ отвергнуть покаянія внешнего покаянія, когда оно бываетъ осуждено религиозными чувствами. Нельзя вознѣсти противъ выраже- ній религиознаго чувства и подвѣсѣ предположить, что для одного Величественности въ одной, только, формѣ, а для другого сущности сущности: по отношенію къ самому нахалу итд. обидѣ бы отвергнуть употребленіе словъ, такъ какъ оно сущности нѣкоторымъ средствомъ для выраже- ния сущности, или чрезъ несправедливый истинны. Послаютъ всю надежду во внешнихъ формахъ и обря- дахъ, говоритъ Писанскій, значитъ быть еврейскимъ; а не хотѣть признавать ихъ, значитъ быть евреямъ.

E. Мернозе.

Достоинство идеализма
в нравственном образовании человека.

Разговор
между

Идеалистом и Материалистом.

Ид. Матью о тебе, Материалист — философ.
Методы жизни твоей для меня чудасна.

Мат. Чудившись, как жизнь моя, рядъ бытматериалиста,
во свѣтъ чуждого, могла возбудитъ въ тебѣ интересъ и симпатіи.

Ид. Непрерывный рядъ капризовъ, постоянно укрепленъ
отъ капризовъ жизни, этоли должно считать проявленіемъ
существованія разумнаго?

Мат. Я наслаждаюсь всеми благами міра и прости-
щеній, чуждымъ удовольствіемъ, равнодушно отно-
слюсь къ существенному разрушенію. Въ отъясненіи моего ин-
тереса: убого.

Ид. Знаю, ты на позорищѣ міра капризовъ; меня твое пере-
сказываетъ тебе; но такъ ли кончится дѣло наше капризомъ
существованія? Въ капризѣ твоемъ признаю все случайное
покажется въ основаніи уразумѣннѣйшій для каприза
истины и желаній не парадоксами, ты объявилъ себе
только свободнымъ отъ предубежденій; крѣпко, удивившись

43
сильными мечтами, почтили тебе капризомъ мудрости.
Обобщенный воимностию твоя, понесенная невѣжествомъ
всѣмъ, ты прихитился болѣе въ своемъ мечтательствѣ. Я
мѣ въ непрерывномъ теченіи своемъ уношу дни за днями;
и ты, касаясь въ заблужденіи, подъ удивительный шумъ
сего обильнаго потока, спокойно въ постыдномъ капризѣ
своѣ приближаешься къ краю. Оставайся, капризникъ! Ты
никакого нѣтъ существа — почти на прагъ бытности.

Мат. Явность!!! Нѣтъ, быть не можетъ! Это грѣхъ
идеализма.

Ид. Если грѣхъ представляется твое капризъ истинна;
какъ говори, дѣйствительно есть бытность, и потокъ времени
въ капризѣ материалиста приближается тебе къ окону: готовъ
ли ты вступить въ новое обиталище?

Мат. Готовъ ли? но какой дѣла того куража пригото-
вленія?

Ид. Мои бытматериалиста чужды въ свѣтъ несласно
не въ идеализма; чтобъ явиться въ немъ, ты къ тому много
готовился; ты готовился даже, чтобъ явиться на одинъ
вечеръ въ общество, где встрѣтятся болѣею частью одни
знакомясь. Какъ же хотѣшь вступить въ приготовленій
въ бытность, где все для насъ ново. Матью должны мы
встрѣтятся въ немъ, пороги ветвей ветвей; этого смысла,
въ существованіи, не одни только истинны велики обратятъ

внимательнее на новое пришествие; и онъ предъ нами неслит-
носьею истинно существующей действительности будетъ данъ
ответъ въ своемъ временномъ земномъ существовании.

Мат. Чирота сильная; но какъ доказать истинности во-
существования?

Мд. Доказательство сей грозной истины видятъ много
всюду; вся природа, самъ воздухъ доказательство.

Мат. А изречеи природу и человека; современныя изобре-
ненія естественныхъ наукъ и антропологии самъ довольно
знакомы; не лишишь ли ты, я тебе не понимаю.

Мд. Стань въ око. Случалось ли тебе смотрѣть въ цвет-
ное стекло?

Мат. Нерядко.

Мд. Въ какомъ цветѣ представляется тебе предметъ,
смотря такое стекло видящее?

Мат. Въ томъ смыслѣ, какъ и стекло окрашено.

Мд. А ты считаешь сей цветъ действительнымъ призна-
комъ истинности предметовъ?

Мат. Ахъ! я зналъ, что это настоящій цветъ ос-
тается быть постояннымъ; но лучи свѣта, проходя черезъ
стекло, окрашиваются въ его цветъ; а предметы самъ ви-
димы предметъ по послѣдней своей окраскѣ; то предметъ
на стеклѣ и кажется окрашеннымъ его цветомъ; впро-
чемъ только кажется, а въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ
быть различнымъ цветомъ.

Мд. А такъ ты согласишься со мною, что можно иногда ви-
дѣть предметъ не въ настоящемъ видѣ.

Мат. Согласенъ — но тобою изъ чего?

Мд. Каждое вещество въ наукѣ погодно къ своему
стеклу; ты, разсматривая природу и человека по началамъ
материализма, видишь оныя въ цветѣ, въ какомъ предметъ
каждъ изъ сихъ система. Это же цветъ и предметъ вы-
дѣтъ изъ въ настоящемъ видѣ.

Мат. А кто гарантируетъ тебе, что ты природу и человека
видишь лучше, въ настоящемъ видѣ?

Мд. Ты самъ, если согласишься не жить въ другой точки
зрѣнія.

Мат. Стань радъ. Ужасны самъ сию суровую точку зрѣнія.

Мд. Е отыскать можно въ производительности природы.

Мат. Природа съ сей стороны довольно самъ извѣстна:
различная естественная масса, по силѣ ея свойства соединяется
въ рамкахъ содержания, производитъ новыя тѣла. Зрѣтъ е
къ настоящему суровой точки зрѣнія.

Мд. Производительность природы состоитъ не въ появленіи
новыхъ, въ какому разрушившихся отъ времени, но въ
постоянной преобладанности видовъ тѣхъ при всеобщей из-
мѣненности вещества, сурового основаго изъ свѣтѣ.
Всѣмъ въ лица земли со времени ея появления въ пространствѣ
сокрылось раститель и животныя? сколько разрушилось са-
мѣтъ матеріаловъ? Но природа не опустѣла: она полна со-

временными ей видами минералов, раствий и животных.

Мат. Постоянная пребываемость природы при ведаемей ее извѣстности земныхъ еще древнѣйшихъ, старинней и снова по собственному началу возникающей, есть единственное понятие древней о производимости природы.

Мат. Постоянная пребываемость при всеобщей извѣстности составляетъ существенный признакъ жизни. — Природа постоянно извѣстна и постоянно остается одинаковою, производима и пребываетъ; какъ живетъ; а жизнь есть явление высшее степеней твоихъ разнородныхъ веществъ новыя качества.

Мат. Положимъ; но что значитъ, то и умираетъ. По чему должно придти время, когда погаснетъ и жизнь природы, и что ей займетъ нитомоество; сей вопросъ достаточно для всего, что видится. Верно какъ бы есть предметъ смерти и жизни. Ибо въ природу не умираетъ?

Мат. Но, что не можетъ рождаться. Вещество, которое ты ограничилъ все бытие, есть только сцена (субстратъ) производимости природы; а то, что на сей сценѣ является, это вещества совершенно отъ него. Вещество существенно то разрушается, то вновь составляетъ, то сдѣлано сдѣлано, одни и те же, другие возникаютъ: но разрушение сцены не означаетъ еще уничтоженія того, что на ней является. —

Мат. Положимъ; ты хочешь говорить о выносливости (стабильности) жизни и о существовании (стабильности), объ изображеніи и изображающемся.

Мат. Потому что это такъ действительно.

Мат. Но какъ это касается единствъ предположений.

Мат. Знаешь: если мы посадимъ несколько зеренъ разныхъ породъ въ землю, напоселенный стальной порошокъ, и будемъ посевать оныя перемешанного воуаго; оны, какъ мы стко ихъ опыта, прочтутъ, выдутъ, разовьются въ различные своего рода. Тутъ какъ бы материалъ развития будетъ излучать вода и кистю только водухъ. Ви виду веществъ, развившихся въ различные растительныя породы, свойственныхъ каждой изъ породъ, не представляются ли видныя превращенія одного и того же вещества въ разные формы? Если выросше раствныя на одной виду земли, то въ землѣ и наидетъ: мушкетеръ: красноту и желтовою, брасси: красноту и желтовою иловку, вронкам: малюкый и шаранцовый. Конечно, что минеральные вещества, находящиеся въ землѣ соединяются раствныя, образуютъ во время ихъ горенія; и въ подвергаясь оныя оныя раствныя гниенію, или оной перегонкѣ, получивъ другія произведенія. Знаешь, что при излученіи виду разрушенія, одно и то же вещество, тѣло раствныя пре-

вращается в разные. Вдоль раковины формы видны
висит не от самого вещества, прилипающего к раковине,
ибо оно одно. Далеко — основатель органических есть
и в ней образуются как и в мидии, так и в раковине
части. Но раковина формы, называемые раковинами и
животными, простирается до чрезвычайности. Вдоль, так
же, очевидно, что прилипающее формы или свесившееся
существо не вещество; оно уже есть одно — само; быть прилипа-
ющее действия быть не может: само, в свесившемся про-
образованном есть еще нечто образованное (поэтому)
то, что определяет форму, в которую вещество вылива-
ется; а потому: каждое свесившееся в природе есть образование
внутреннего начала. Вот точка зрения, с которой мы
не рассматриваем еще природы! Показано, взгляд на нее сквозь
призму материализма есть всегда односторонний: отпи-
рает все заблуждения, но не охватывает того, что есть.
—

Мат. Конечно заблуждением в существующем неважно
но, чему вещество служит только временным субстратом,
несколько отвернувшись от предмета вещественного мира.

Мд. Посмотри внимательно на произвольность природы
органической: миллионы растений и животных умирают, ре-
генируются; но породы или (species) существуют постоянно;
приходят только временные формы, а то, что в них сфор-

миальное просвещается и покоряет лишь вещество постороннее,
существует постоянно. Если собою понимаем, что сие внутрен-
нее начало, постоянно существующее, которое определяет
временные формы вещества, от его постоянного совершенно
отлично. Это сие сказать о том, что в нас сие имеет, по-
нимаем, различает? Мать и в том веществе не
хочет, и в том составляет наше тело; и в нем сие природы
объяснить законы нашего разумения? Оно, будучи заключено
в малейшей точке вещества в отдалении в вселенной, по-
навательной способностью своею охватывает все пространство
оной; и при этом разделение миров, вбирает в себя массу,
определяет их границы; и в том же обитании наших
оно, как бы, и при этом само природу своим могущее
воин: обнаруживает грехи, властвует над стилизами
и собственными средствами создает мир и искусство, в
и искусство спорящее с миром естественным. Как не
знать в нем отражение того неограниченного, всеобщего
идея Разума, мысли всеобщей и без которой никто не может
еще быть?

Мат. Важность твоего доказательства для меня
увеличивается ощущительного. Милый одуховности человека,
блуждающая в своем развитии, разрабатывает передо мной

цельный мир нового утешительного влечения. Какое
высокое чувство, при свете ее, наполняет существо мое,
и как чудесна бедня, роль которой сыграть она, как мону-
щественнейшая невидимая сила, шепчет мне! —

Но. Ах, что такое обращение на пути истины
оправдывается достоинством идеальным во нравственном
образовании человека; при его свете природа представляется
несметно грудою скопившейся хтонией, угрожающей уни-
чтожить все в разрушении — как! Она представляется
символом изображения истины, что гадается в бытии на
предельном временном. Не может ли быть иначе? Природа
есть символ вечного; мир есть неслучайные буквы, ко-
ими выражены всеобщие: да будет! Приближаясь к бла-
говестию в сей великой книге, как чертанной премудрости
Творца. Сии постиженные символы стоят по некоторым из
сторон ее, сии прибавили много к основанию нравственной
образованной человека. Книга природы есть откровение выс-
шейшего духа в смысле, стихий и элементов.

М. Павлов.

л.

О степеняхъ

жизни и смерти.

(письмо къ ю. н. Борятинскому.)

Жизнь природы таинъ предметъ, объ кото-
ромъ, какъ и о смерти, никогда не наговоримъ все; таинъ,
какъ не жизнь, говоримъ, какъ и о смерти. Не,
жизнь и о смерти свои свойства различны въ
видѣхъ смерти, опять говорю о жизни. Начи-
наю съ жизни, потому что она есть начало, и
производитель и разрушитель тѣла. Неизре-
чимъ и неизреченно ограниченное бытiе потому,
кто ищетъ свою жизнь и есть явление оной.

А жизнь ищетъ такое существо свойство, по-
тому что ведетъ начало свое отъ Бога Живого
и есть жизнь Божия.

Жизнь природы, являющаяся въ тѣлѣ и въ
словахъ, ищетъ четыре главныхъ вида, отъ кого и
происходятъ четыре вида бытiя: неорганическое,
растительное, чувственное или животное и ду-
ховное.

Въ первой трехъ степеняхъ бытiя, жизнь ищетъ
это ищетъ образование тѣла, потому и называется

она тьмелого. Переходя въ вещественное и дръ-
ствительное бытіе, она свѣтлая тьмелая.

Для жизни духовной тьмо составляетъ
только средство въ развитіи; и дръствитель-
ное бытіе оной есть душа.

Въ неорганическомъ бытіи жизнь, образовав-
шица своего тьма, цѣлится въ кель и преби-
ваетъ образованною, неизмѣнною массою. Это
наибольшее явственнѣе жизни; вся она обраща-
ется въ вещественное пребываніе тьма и не преи-
дѣло на предѣлы его, въ потопистаю.

На степеняхъ растительнаго бытія, жизнь
не успокояется въ своей тьмѣ, но продолжаетъ
свою производительную дръствительность, не только въ
кель, но и внѣ его, размножаетъ и возрождаетъ
бытіе его въ потопистаю.

Жизнь чувственная или животная представ-
ляетъ еще большее отвлеченіе и освобожденіе ду-
ши отъ вещественности. Здѣсь уже она не со-
стоитъ собственно въ образованіи и произво-
дственности, но въ самоудвиженіи своего тьма и
въ чувствительности ощущеніи внешнего міра. Это
высшая степень тьмелого бытія!

Бытіе духовное состоитъ уже въ разум-
ности дръствительности самопознанія и простирается

на предѣлы времени и пространства. Жизнь
духовная есть истинная, своеобразная
жизнь, шю она свѣтлая.

Отъ соединенія сихъ видовъ жизненнаго бы-
тія происходятъ четыре царства земныхъ
твѣль: 1) Неорганическое — явленіе разнообразно-
опредѣленныхъ видовъ жизни неорганической;
2) Растительное — явленіе видовъ жизни не-
органической съ растительною; 3) Животное —
явленіе жизни неорганической, растительной
и животной; 4) Человѣческое царство, предста-
вляющее соединеніе полной тьмелой жизни
съ духовною. Итогомъ неорганического есть тьмо
неорганическое; растение — тьмо органическое
безъ самодвиженія и чувствія; животное — ть-
мо органическое чувствующее, и самодвижу-
щееся; человѣкъ — существо съ органически-жи-
вотными тьмелыми и разумною, всемертвующею
душю.

Тьмово бытіе земныхъ твѣль; тьмово въ
кель являющаяся жизнь.

Жизнь свѣтлая тьмелая, когда облекается
въ вещество: и въ міръ физическое воздѣйстви-
во. Оно наполняетъ собою все пространство и въ

несь дряхлостью. Дряхлостью есть необдуманное, врасценное ей свойство.

Стиский или маломысленный вещества, и в коих мудрости обнаружится тьма, ископим признамо в тьме. Душа стиская всемирная, первоначная, наиболее дряхлительная, невесома: это есть эфир, а поименно хвелецкая огневая, кою видоу почитают и электричество. Эфиру противоположны три всемирныя стиския, и в него происшедшия, стискиваемыя, в вольныя, способныя къ непосредственному образованию во всемирныя тьмы: это суть воздухъ, вода и земля.

Отсюда еще два вида органическаго бытiя: огневое стиское и земнестиское. Бытiе стиское настоящее и определенно, ибо оно тьма не имеетъ свою жизнь. А тьма во смиръ воздуха жизнь. Что сие есть смерть?

Смерть есть переходъ и возвращенiе тьма на низшей степени бытiя. Если жизненное возвышенiе бытiя тьмесаго происходитъ чрезъ прибавленiе высшихъ степеней къ низшимъ, то смерть, какъ нисхождение бытiя, происходитъ обратно — снмнiе или отъятiе высшихъ степеней. Поэтому и здтъ будетъ столькоже степеней бытiя, и здтъ же тьма самая: это суть

главныя ступени стискиа жизни, но коимъ она восходитъ и нисходитъ во смиръ хвелей.

Чтобы опредѣлить виды смерти, возьмемъ эмвотное, которое представляетъ наибольшую сложность бытiя.

Первая степень смерти его будетъ снмнiе чувствительнаго бытiя. При такой смерти чувствительнаго, эмвотное переходитъ на степень бытiя растительнаго, которое для растенiя есть настоящее и полное бытiе. Угнiе тьмы или бегунiе есть случайно задержанное развитiе хвельнаго въ эмвотномъ состоянii; и здтъ по всей справедливости можно назвать главныя мертвецки. Растительное состоянiе представляетъ различныя безднмнiе состоянiя тьма и между прочимъ тьма снмнiе снмнiе бегунiе, когда тьма была есть безчувствительна къ эмвотнiе физическимъ поразнiеамъ.

Вторую степень смерти составляетъ цнпнiе, когда эмвотныя и растенiя снмнiе своей органической производительности и пребываютъ тьма обрабатываемыя массами вещества. При такой смерти цнпнiе органическаго тьма переходитъ на степень бытiя

не органического, которое для эммералла есть настоящее и полное бытие. Такого помысла можно различить три степени: 1) смертные или временные существа, каковы животные на земле и растения, в том числе земляные растения: как земляные, наземные, в том числе в каменном и подземном по освобождению их от всякого заминокения; 2) на морская и особенно еленица (Lichenes), прекращающая произрастание во время зноя и возобновляющая оное во время, хотя бы то было чрез много лет; 3) такое существие при возобновлении производит; искусственным камнями оного существия богаты Камасибби Сицилийская и Кунтокаммер; в таком состоянии пребывают растения в камнях гербариев; дерево, кости и другие части органические найти в камнях издрискаль; в таком состоянии Академический сохранены были природою от самого потопна во всемирной едвиги; 3) окамененные или совершенное превращение в эммераллы и переселение в эммералльное царство; сюда принадлежат многие камни, каменное яблоко и другие драгоценны. ^{а)}
^{б)} Утимию словом я называю третий класс эммераллов.

Третья степень смерти есть Мервие и распадение тела на составные части, причеи оно существует уже и пребывание в своей вещественной форме. Это переход в бытие земнотелному. Такого смертного разрушения и эммераллы.

Наконец четвертая степень смерти есть сгарание и уничтожение земного вещества в огонь и в электричество. Это переход его в бытие огнестелному или электрическому, разрушения от земного ут тяжести. Это по сущности Огневая смерть земного бытия. ^{б)}

Огневое бытие есть первый и последний предмет бытия вещественного или пространственного. В предметном пространственности становится уже бытие духовное. Но духовное или огневое бытие, как выше замечено, все еще есть бытие вещественное, определенное (до математической точности), действительное, сущ. живое. Поэтому когда тело, пройдя помыслию смерти, остается на ее крайней, наибольшей смерти; то оно переходит на степень жизни легкой и светлой, боевое обильной и гравельной;

б) п. Петра. III. 10.

только математическая жизнь кем-либо стилист и
бессловенное бытие самозаконно. Мыслимо ли
повторить старинное повествование, что каждый бы
смертию ни умирало тело, все оно живет
и в смерти ~~никогда~~ ^{никогда} совершенно смертного.
Это влечение в повсюдную жизнь прира-
ды и втра в бессмертную жизнь души —
суть всеобщие отвлеченные чувства для души
сердца и ума, чувства основанные для нашего
действия и знания. И как не шептать нам...

1832. 30. Декабрь.

М. Максимович.

М.

Мысленное и телесное Бытие жизни растений.

Письмо к е. в. ...

Основание наук о растениях должно
определить главное понятие о их жизни. Самое
общее и высшее понятие о жизни растений, какое
можно представить вам, есть то, что она живет
дважды бытие: мысленное и телесное. В
первое бытие жизнь постигается нами мыслию

и самим представляется ей как мысль творческая,
как мысль души начала; во второе — она оживает
се нашими телесными чувствами, и сама пред-
ставляет нам как тело, как проводимое эле-
менты. На каждое живое растение должно смотреть
как на жизнь, которая является телом, не пере-
стает быть и мыслию: мысль повторяется в нем, ощу-
щает его, сопрягается с ним как Бог и Хра-
митель, — и тело есть только выражение, отраже-
ние одной мысли. Такова поэзия души бы-
тия растений.

Но и тогда, когда жизнь, впадая в смертное
состояние, остается только душею телесною
бытием, когда жизнь мыслию уже отошла от
своего тела, и тогда еще нехотят ее видеть на земли,
и умирающее растение все еще есть живый свет, по
которому наша мысль может гадать о мысли
творческой, его ощущавшей.

Таким образом, кроме чувственного равно-
удия растений живых и умирающих, мы мо-
жем присутственно открывать и успокоивать
их мыслию начала. И не только мыслию,

ор. № 18.

но для познания тайны или догматов устремляясь,
 проникать во внутренний, сокровенный смысл
 всего явного: видимая во времени, невидимая
уже вечно. Растение пребывает иногда в виде
 вьюка в стеклах, в виде малюшкого зародыша,
 не теряя производительной силы, не лишаясь способ-
 ности произрастать: вот и смыслное, спящее
 бытие жизни! Часто иногда смысл великого цело-
 вьюка, сказавшаяся безрассечно, остается в каменной
 чреве вьюка. Часто невидимая искра семени иногда
 дрожит таится подъ петлею. Но подует благо-
 приятный ветерок — и потаенное семя
 разгорается по жару, обращая в пылающую
 горючку. Часто и жизнь скрытая в стеклах, при
 благоприятном стекле обретает свободу, пробуж-
 дается во зрительности и разрастается в пыльное
 растение, превращая в него посторонние вещества,
 питаясь ими. Жизнь растений из смысла
 состояния переводит в телесное бытие при
 содействии окружающей природы, под влиянием

внешнего условия. По своей внутренней, врожден-
 ной силе, она производит определенные виды ра-
 стений, пользуется силой внешней природы,
 в которую она вступает в борьбу; но, если
 является при ней только вейлем, она, необходимо
 и по воле своей силе нисколько уступает. А
 как стеклышко. Внешние условия бывают весьма
 разнообразно, случайно, извещливо; то жизнь сама
 становится извещливою в явлениях своих,
 но способность вырваться вперед и соверша-
 ют своей силе, и нисколько не отступают от
 своей первообразной формы, которые являются
 множественно различно. Растение по степени
 обтоятельности времени и света, жизни начина-
 ют приближаться к некоторым из сил равновесия;
 и если бы она могла только отвести стремле-
 ние явления, то могла бы отпасть от своей
 первообразной формы, тогда бы случайные явления
 обратились ей во вторую природу, — тогда бы она
 могла стать извещливою и в смысле своей.

Но жизнь растений не определена и ограничена в
своей смысле — какой, из собственной любви, в
удель ей досталось быть при одной силе, оста-
ваться тою же. Поэтому они не имеют еще другое,
обратное стремление — к возрождению себя. По-
тому она всегда стремится повторить эти явления
во тьмелом бытии к бытию сознательному, обра-
цовому, графы, сбросив в себя все случайное и пришлое
от внешнего мира, возродится в первоначальной чи-
стоте и явится снова в новых тьмах. Но жизнь
каждый раз под телом тьмы же, ее одола-
вая и поправающая внешние условия,
она только повторяет себя. Каждый раз
она то умирает свое тело, то возрождается
в новое — и встает в жизнь явления, как пото-
кующий в бурном море борется с смертельными
сил волнами его, передавая с одной на другую.

Человек давно знает эту тайну жизни
растений и пользуется ею для магической
наслаждения. Отличая растения от животных

бытия есть и разнообразия внешнего условия произ-
растания, они искусственно производят бессмыс-
ленную жизнь — цветов, плодов; — сущая возрожде-
ний иль жизни, она приучает ее оставаться в
силь естественных видах, равносильно к себе и равно-
образит до безжизненности. Но когда растения осво-
бодятся от искусственной заботы, то они
дикуют и постепенно возвращаются к первоначаль-
ной естественной состоянию. Мат. обр. тьмелое
бытие жизни иль тьмы и переходное, а бытие
смысленное — самозаконно, самобвстие. В смысле
новой бытия жизни есть внутренний, постоянный,
определенный закон и переобращ: это средоточие,
ил которого ильодит все круг его разнообразных
явлений, которые вникает его, как в чистоту
радуга блестящее солнце. И если какое простое,
чувственное иль обаяние растений может так
чуждому, пристрашить к себе, то какое же наслажде-
ние дает ему, когда он угадывает светиться
Миром кель жизни: иль селем преодолевающее главно, II. Кор. III. II.
каким даже своем постоянстве.

М. Мавринович.

Согласованій воспитанія
съ развитіемъ
Душевныхъ способностей.

Жизнь человеческая проявляется въ пере-
ходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способ-
ности, равно какъ и силы телесныя, развиваются
послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ
порядкѣ возникаютъ, цветутъ, зрѣютъ. Въ дѣте-
ти, какъ въ старости, охраняется начало всякой спо-
собности; юность представляетъ собою время цвѣ-
тенія; старость соответствуетъ зрѣлости.

Въ сѣ различныхъ состояніяхъ чувства нашего
обнаруживаются въ трехъ степеняхъ ея степені-
яхъ: чувство, умъ и воля; они то продолжаютъ въ
степени развитія по предначертанному Создателю
своему закону. Чувственное приобращеніе къ наукѣ, нрав-
ственное саморазвитіе воли и образованіе
вѣра совершаются въ различные возрасты
жизни. На первой ступени развитія, на концѣ ма-
тери, пробуждаются способности; зрѣетъ въ особенно-
сти образуется чувство. Второй возрастъ — юность,
посвящается раскрытію и обогащенію ума, подго-

ротованію ея ии наставника. Переходъ
въ возрастъ ея предначертанъ образованію
воли — ея самостоятельности. Въ это время, при благо-
словеніи Провидѣнія, законъ вышній, или общественный,
и внутренній, или нравственный, бывающій ангеломъ-
охранителемъ человека.

Большую часть жизни человекъ въ воспитаніи
происходитъ отъ трехъ главныхъ потребностей: или
начинаютъ учить предвѣдѣтельно и продолжаютъ не
послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній,
не заботясь о дѣятельности ииспользуя способности;
или не въ отъ отъ дѣтскихъ нашихъ развиваются въ вос-
питаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить на-
добно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ,
какимъ образомъ развивать душевныя способности.
Дайте имъ правильное развитіе: они будутъ въ ко-
стояній приобрести все лучшее и доброе. Хотите
увѣдиться, что и волю согласно съ нѣмъ раз-
витіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заклю-
чается все правило воспитанія. Дитя, еще не ве-
дающее своего предмета, въ одно и то же понятіе,
въ состояніи ея воспринимать смыслъ посторонній
понятій? Возможно ли дѣтскимъ, не постигающимъ
предметовъ, его окружающимъ, обобщать предметы
чуждые? Наставитель, тогда только можетъ имѣть
дѣленіе дѣтское вниманіе, когда душевныя силы на-
чнутъ развиваться собственною дѣятельностію.

Меланхолия рождается, если человек рано
чувствует утрату, губит все способности, предше-
ственно ослабляет себя и препятствует помы-
слу и развитию. В детстве преимущественно
жизнь растительная; в нем душой все еще
еще раскрывается. В семь возраст имеет, по
всей натуре, обязанность давать направление на
правление во всем, способствовать. В шесть
матери, как в зеркале, душа приняла само себя
понимать: видит оно в семь зеркало нежность
и любовь, и в семь отражает только чувствование.

Первоначальное проявление души чувствования
действительно состоит в подвижности и благодарности.
Когда душа еще находится на простом чувственном
существо, душа должна показывать примеры
благодарности. Душа, руководимая раз-
борчиво и любовью, будет послушно; ищет
исполнения своей воле, помнит оно всю
важность благодарности. Напротив матери
при каждом требовании души горюет и про-
вещает, ищет выгоды: ощущая недостаток
возвращает к нему благодарности, скорее рождается
в юной душе признательность. Напротив из-
нужившая душа ни благодарна, ни послушна; она то-
же становится совершенно безразличной.

Благоприятней всего ее образовать по-
лезные побуждения к сластолюбию и другим приле-
жностям; подобно всем начинаются благополучием
простого — зрелища и науки. Чувствительность, сколько возмод-
но ранне, должна быть в состоянии правды; с
ранней ее должно приучать к добрым на-
ностям и воздержанию. При добродетели дети
на здоровье, начинают уже отказываться себе в
большой потребности, и начинают чувствовать,
и обращают внимание на сторону духовную. Дети-
ский возраст характеризуется тем, что в нем воз-
раждаются различные склонности. Душа, как
натуральное существо, имеет только начинать чувство-
вать свою деятельность, обращаясь к познанию
себя самого; тогда и в растительной жизни обра-
зуется душа разумная. Не отказывайтесь до другого
дня казнить о душе: преследование направлено
пробуждения деятельности души, и тем самым,
что одно, чем иногда имеют в виду или заботу или
счастия, или как человек в детстве.

В раскрытии деятельности души начинается
и воображение: дети начинают играть разными играми.
Давайте им все, что угодно капризам: они вполне выберут
себе по своей склонности; не допускать только
в игрушек и излишества и роскоши. Старайтесь заставить
приучать зрение к искусству видеть, а слух к искусству слышать.

Важность знания в этом возрасте не в том, чтобы сообщать свои знания, а в возбуждении и развитии деятельности. Цель приобретения и развития знания — это не приобретение, а развитие.

Что мы принимаем за руководство в отроческом возрасте? Здесь главное правило заключается в том, чтобы показать отвлеченно способные души и ее возбуждать. Отроческий кризис заключается в образовании и развитии чувства и знания: для того необходимо развитие души и знания. Тут можно испытывать внимание отрока сосредоточением мысли и протеканием наших чувственных действий места и времени. В старости от постепенного приближения к старости развивается сила: так развивается и сила соображения и мышления. В самую же старость отключаются и органы языка. Непостижимое устройство человеческого слова, которое в детстве приобретает навыки, без всякой ответственности, превращается по мере науки в органическое целое. Там, где только, что мы начинаем упражняться в речи, сперва в мертвые языки, для которых нужно двойное соображение, вместо первоначального и простого слова упражнения в живых языках, особенно в отечественном. Великая опасность писателей, мы не только и не будем разговаривать с нами на изысканном

языка Иерофантосия.

Одно из основных правил воспитания состоит в современном управлении мыслью и развитием. Безразлично можно научиться без соображения: это с одной стороны уничтожает самостоятельность предмета, с другой затрудняет понятие; не ограничьте мысли, особенно и ученика чего либо непонятного. В том, что понятие, упражняется она ведется с разсудком; с укреплением суждений, самая мысль становится твердой. Мы стараемся выучивать много; но чрез это ослабляется суждение, потому что кризис не имеет достаточной силы обдумывать выученное.

Отроческому возрасту присущи гимнастические упражнения. Когда жизнь переходит в разную форму, тогда и тело становится способным к упражнениям в искусстве, требующим развития чувства к изысканному. Сверх того остаются некоторые быстрые раскрытия душевных способностей, которые ослабят тело: для развития отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тела невозвратимо. Движение в физическом приращении мысли в духовной; для самого здоровья необходимо правильное сопоставление мысли душевной и телесной. Наблюдая же таковые упражнения духа и тела, от тела покуда продолжается развитие организма.

Учужденность и возмущение, пробужденные в
детином возрасте, доселе в отрочестве полу-
чили высшее развитие. Их сущность состоит, сопря-
женными с нравственным развитием отрока, при-
надлежит развитию нравственного и религиозного
чувства: разнородная сфера соотносительна нравствен-
ной; дитящая благодарность и покорность развиты
своей — принадлежностью первого периода, — затем пере-
ходят в признательность и уважение. Если слыши-
те, кто в юный край благородства: то поддер-
живайте в нем сии чувства. Не дозволяйте одной
привязанности к родителям; кто готовится
для жизни общественной, тот должен научиться
уважению старших. Дурные привычки дитяти
поощряют в отрока жадность к силе и не редко
переходят в своеволие, упрямство, дерзость. От
того, пока воля не свободна еще от чувственности, не-
обходимо возвышенным добродетелью, какковы:
великодушие, щедрость и покорность; но крайней мере
должно возбуждать в отроческом возрасте чувство
обязанности общественной. Не надобно питать
душу одним только приятным впечатлением,
но и склонять ее к покаянию. То, что сначала
бывает внешнею обязанностью, раскрывается мало-
по-малу нравственное чувство и обращается во вну-
треннюю потребность. Чувство дитящее зависти

59
в отрочестве сходит в возрасте до юности, но
а потому затем надобно развивать чувство хра-
брости. Рано, слышало рано можно пробудить
готовность к усердию, преданности, кротости;
в семь возраст дитящая благоговейность
переходит в покорение и благоговение к Богу.
Возбуждать сии чувства — дело домашнего
и общественного воспитания.

Религиозное чувство отрока столь нежно, что
трудно бывает сберечь его от возможности действительного
образования. Если в дитяте при составлении поня-
тия о Божестве; то в отроческом возрасте
необходимо раскрыть отрока Божий — начало пре-
существования. Но не упускайте при этом религиозный
предмет с тем, чтобы не забыть, чтобы отрока
было для разума: что легко обнимает разум,
то перестает быть предметом безусловного почи-
тания. Затем надлежит представить тот образ
Божий, которого виденная жизнь кажется в существе
невозможной: сии образы имеют Спасителя. Известно
но истинная и святая жизнь Его, поучения, страда-
ния, смерти и воскресения должны начертаны
в сердце отрока. Сии образы, начертаны в нем на-
печатанными, не выйдут во всю жизнь. Жизнь
с сими именуется Православное учение Божье, вечно

чувственного воспитания. В высочайшем возрасте
уми Религии не может быть предметом устрем-
ления на насильство. Благочестивое чувство дитя поощря-
ется, но скоро божественное чувство становится
индивидуальным трудом для него, и то внуша-
ется уроками, что должно быть для человека
священным.

Наступает важнейший период воспитания
— юность, время совершенного развития разума,
вкуса и характера, переход душевной жизни в
высшую сферу способностей: ум, фантазия и
воля. В этот период их манит образуются науки
и Трои, человек и природа, чувствования творят
идеи, а склонности обращаются в нравствен-
ные направления. Вредные чувствования, прекрас-
нейшие ступени жизни нашей, пришедшие
в переломной ясности своей, возникают в юности,
в них обнаруживается воля человека, главный
предмет воспитания. Она получает тогда по-
ню высшее достоинство, когда не подчиняется то-
лодному и безличному знанию, а напротив вос-
принимает в себя мир науки, света науки, кои не-
текают из сердца. Отличайте склонности и чувства,
одушевите их любовью к наукам и искусствам:
в них непременно усверженствует нравственность.
Юноша начинает борьбу со страстями; и хотя

60
воспитание не может совершенно отбросить этой
борьбы, но крайней мере оно должно иметь цель
предохранить. Наука и Меланхолия такие два гения,
которые угрожают и умиротворяют страсти. Зависит
одно от другого не убожествует юности; сердце тре-
пещет своим предметом, и всеми силами стара-
ется цель обрести. Возвращаясь чувства возму-
щают группу юности; он мечтает о кесте и сла-
ве; фантазия его таинит на предметы внешнего
мира; возды представляется ему идеал красоты.
В ридной жизни идеалов соотвостается и воли
вводится искусство. Меланхолия способность, вна-
ню раскрывшая, уже в состоянии обрисовать весь
круг человеческой жизни.

Чтобы руководить нас в этом воз-
расте? Юноши выводят из моды надзора матери
ринского; зависимость от наставника уже для
него тяжела; в это время отец доверяет вос-
питанию сына. Если дитя еще сдержанно пожелает
ная мать; отрочество проходит в бытии какою модою
руководителем представителем: то отцу остается
согласовать домашнее воспитание с обществен-
ным; он берет сына от учителя и вводит в
отгороженности в свет, старается направить
свободно начинающую действовать волю к отцу

чению добра и зла. Таким образом юноша со-
здается и становится самобытным; таков обра-
зуется он волею. На протяжении жизни находится
наше — внутренний голос совести, а Провидение
— всегда руководящая; от сего зависит исполне-
ние всех обязанностей наших общественных,
весьма далекая сие клетка пред престолом
Отца Отчества.

Не только поведенческое многообразие предпочита-
ется глубокому размышлению; не только человек знает все,
кроме самого себя. Но довольно глупо вдумываться
юношам, что все науки суть только упражнения
самознания; сие только из камня себя мордим
замешательство пороков, малая, посылка в
наше; каждая наука есть собственно отражение
нашей духовной жизни, состоящей в гармониче-
ском согласии трех ее ступеней: чувства, мысли
и воли.

Смотрите, наше юноша, насколько следуют нравствен-
ности и правдивости, колеблется в выборе
предела пути к своему счастью. В одной стороне
мы сие уже имеем приращение; с другой еще
не выдвигает нравственных чувств — разумный
показатель добра. Различные склонности и цели
еще перевес над законом добра, и не позволяют

действовать по разумным законам воли. Если
чужое сердце не образовано в первом возрасте: то от
него не след ожидать ни добродетельности, ни
великодушия, ни справедливости. Если в отрочестве
разум и сердце действуют отдельно, то и в юно-
сти и в зрелости не достигаются. От
того столь рождаются центры воспитания: много, во-
лею на свою волю, предается тщательности.
Не проникнутый чувством религиозным юноша ско-
лостью: он имеет главную опору — предит между
божественных пороков.

Кроме общего психологического законов
воспитания, каждому человеку свойственны особен-
ный способ образования; каждый, по своему ду-
шевному складу, своего Природою отличается
от других. Отсюда следует, что самовоспита-
ние человека надежнее и более воспитывать, нежели
самонаблюдение или дисциплина — постоянная
отлично от внутреннего — чувствительного не только
наше духовного — крепкого и послушного не одиначе
с державой и управляем — одаренного талантами
еще иначе, нежели того, кто ценит одними не
умными стараниями. Оттого надежнее по-
ощрять, другого воздерживать; одного надобно что-

щевать и береж, дружно подстрекает и даже на-
зывает. Каким же образом вывести из его ка-
нвы правила для воспитания? Не должно полагать,
в дитяти того, к чему Природа его назначила,
не потупить в юной душе искры господствующей
способости, не выставить себя образцом при его
воспитании, не направлять его согласно к своим
направлениям. Может быть, оно определено к
суровому натаскиванию, несем ли какое нибудь со-
ветов; а потому, сколько возможно, необходимо из-
бегать односторонности. Тут какое нибудь на-
правление становится господствующим, тут одна ка-
кая нибудь способность развращается в высшей ст-
пени, тогда легко может нарушиться гармонич-
ная цель, нарушиться к составлению целого.
Невозможно удержать в воспитании, когда
одна из низших сил присвоит себе господство.
Мать иногда воображение превращает в
страсти, чувств в интеллектуальность, разну-
сается к затруднительным и утомительным изыс-
дованиям. Одна из способностей, преимущественно
возвышенная, поднимает себя вверх, производит оди-
сторонность, и не допускает возрасти никому вели-
кому. Здесь в особенности должно образовать вни-

вание на закон развития, обнаруживающийся по-
степенным стремлением от низшего к высше-
му, от чувственного к духовному.
Мать два, по видимому противоположные,
правила представляет воспитателю: первое
предупредит, чтобы не останавливаться в юности ни од-
ного врожденного влечения, не ослаблять ни одной си-
лы, ни одной способности; потому что все это не-
обходимо в цельном организме; Природа нужна
свободная игра ее сил; другое правило заставляет
пристать одностороннее направление для того, чтобы
силы целого непрестанно росли и более развивались.
Что называется сил целого, не есть какая нибудь
особенная способность, но управление целого в
какой нибудь силе душевной. Потому не историче-
ски в каючку того, к чему Природа его назначила;
но старайтесь господствующее направление вести
так, чтобы оно служило основанием целого, и
гармонически связалось с прочими душевными
силами. Мать образует во избежание односто-
ронности, а врожденное дурное стили свершает и
возрастает. Воспитателю не нужно преддо-
вать какой нибудь шаг дитяти, безпрестанно ста-

смысл его или порицать; пусть действительность при
родные его склонности: нужно только наблюдать
за тем развитием, отбрасывает излишнее и бредное,
благородные чувства обращают в склонности,
печаль и страх сообщают телесу. Тогда воле будет
охранена/доура/могут ии отъяснения, чужды
и чувствены. До сих пор истинно полезного воспита
ния состоит не в одних сообщениях разнородных
содержим, но в совокупности и образования вкуса,
просвещения ума, и благородства сердца.

Вот несколько советов Психологии на
схемно согласованы с развитием душевных
способностей. Наука самопознания должна
испытать основания и воспитания, или развития
самопознания. Разумеем, воспитание и наставни
ки! напишите книгу сердца христианской и
братнейшей: Надежда, Любовь и Веро.
Во Надежде сосредоточиваются все чувствования
жесткие и великодушия; во любви стремление к само
пожертвованию для блага ближнего; во Веру — все
нравственные и общественные обязанности. Все
сии качества неразрывно сообщаются воспитанием.

наше. Оно не приобретается изучением, но кесловным
сердце воспитывается и в себе по примеру других.
Чужие даруют наше, только то, что составляет
предмет размышления; но все, что образует сердце, вос
питанием переживает отъяснения, которые его окру
жают, и участвуют себе в течение жизни. Духовия и
поступки наши: вот его наставники. Неспорима
истина, что все, исходящее от сердца, возвращается
сердцу. Если воспитатель сам не имеет добрых
качеств, то никогда не раскроет сердце в своем вос
питании, и все нравственные наставления его будут
только предметом мысли и разума. Если только
поступки наши возбуждают другие к подра
жанию; если чувствами сообщаются чувства.
Желание настроить волю к добру ни какой
не принесит пользы, если не подтверждается в на
казе его примером. Юность требует чуждого обра
за, которому подражает во все время, и стара
ется оправдать поучения от природы способствуя.
В этом состоит все тайна воспитания.

Профессор Давыдов

XIII.
Письмо

Философии.

Е. П. 10 — ой.

Бы не напрасно полюбил философию: она
как книга великая и чуждая. Но говоря это, я
не ту философию, которая свои построения
выведает на расчеты разума одного. Такая
философия имела бы быть разумная, но всегда
слабая, субъективная и часто сухая те-
оретика. Она не соединяет души. Подобно
небесному созвездию, она только светит на предмет
не пробуждая в нем жизни; и отъ света
часто на душу отбрасывается только мрачная т-
ни и медленность чувства. Разумь своего не дает
живого знания, полного убеждения: его отвлече-
ственность; и я думаю, что имела бы бедеть на
пора жизни, когда человек все размышлит своим
разумом, не давши впрямь ничего, чего не выведет
он — и задолжит в таинство пустого бытия, в
которой не стоит родиться, которая не
стоит труда жить. Такая пора была и в
жизни образованного человека в прошед-
шем веке.

Но что же убеждение? На это слово, как созру-
ная структура, впрямь уже отвлечено ваше чувство.
В сердце заключается убеждение; и отъ таинства
чувств оно выводится; и только в созвездии сего та-
инства, светом разума, даются искры и тлеет
живого знания. Душа своим чувством проника-
ет в самую непрозрачную глубь бытия, в
тайны жизни не доступные для одного разума;
ибо в природу, как и в душу человеческую, всегда
остается нечто выше разума нашего разу-
ма, выше законов, по которым он привык
и повторяет свои суждения. Для полного зна-
ния и убеждения необходимо живое, посредствен-
ное понятие предмета чувством, которое случится
то в таинстве, то воочию, то в разуме, на пути
его к структуре ему отвлеченной.

Но основное вообще чувство есть любовь. Она есть
высшее чувство нашей души, главное чувство при-
роды, наконец чувство Божественное: ибо Бог
есть любовь, и пребывающий в любви в Боге пре-
бывает. А так: в любви нет ничего разум-
ного; и можно доказать живыми еще триедиными,
что отвлеченного разума мудреца, но в доверии, не
любовью душою, не есть взыскание многократной
рости. Разумь не знает, любовь созидает. Великая
живая судрость разума утверждается на любви.

Отсюда открывается значение философии: это любовь к мудрости. Поэтому она являлась столь же всеобщей, повсюдною, многоликою и разнообразною, как сама любовь. Подобно любви, она то возвышалась до религиозного благоговения, то опускалась и упадала до грубого материализма. Всегда чужда, властна и терпела бедо и горе; всегда безотчетливо созерцала грех и покаяние; чужда была простоте сердца, холодна была раскатым рассудка и забавно обществу. Такими как любовь, она являлась хитрою, гонимой и гордой, и сиротливою, и шлоушней; простиралась на всю землю, на все знание и утверждалась в тайную крамлю особой науки. Но люди не называют философию? Почему не говорят они о любви?

Что это есть наука философия? Какой предмет ее?..

Что философия может быть наукою, тому доказательство множество курсов философии. Каждый из них имеет предмет свой; все отделекия или размышлы, и между тем все они идут к ней, все ей же шлю, как поезде красавица. Но, признавшись, я не могу досель выбрать ни слова поезде ни одного вспомнить ей приличного;

65
я скажу вам, как сама думаю: что лучше украшество для нее есть прекрасное имя ее, дающее Писа порою: любовь к мудрости. Я не чувствую и отчасти вайю поезде ей, как об особой, отлученной от дружна науки. Она как любовь к мудрости представляется мне стремлением к живому таинству предметов и их сущности, желанием согласовать, соединить наши знания. Поэтому она является особенною внимательной на предметы, которые обнимают особое существование и в то же время входят в происхождение в иное внутреннее значение и единство. Такими образом она способна быть в насущном грехе человека, составяя его образ мысли и направление к полноте и гармоничности, тем и отличаясь любовью от простого словомания. Такими

или образом философия может быть в насущном произведении греха; может властвовать в поэзии, простирающейся на жизнь.

Но преимущественно предь великими философами называется тот, кто много главнейших отроscopy знания свести к единому, общему началу, и

из него развиваются знания в стройной системе.
Многолюдный образ мыслей и взгляд на предмет, касающийся преимущественно философии его времени. Эти общие начала, главные упования знания составляют отечество, гордость и величие недостатка, различия систем философии, прилипу или временного разрыва, возвышения и впадения потомки сокращения, упадка. Но эти общие начала, на которые философы основывали свои системы, были и значительны, и справедливы, и достаточны для того, чтобы развить из себя извлекательный, организменный круг знания. Но системам того большого числа утверждениями или общими началами в своей собственной, частной науке; и когда прибавляя какому-нибудь из них несколько значительности, пытались наполнить ими всю безпредельную ширину знания, то оно оказывалось недостаточным и слишком частным, скоро истощалось и уступало место новому роднику, излившему из себя новую систему, которая в свою очередь, опираясь и основывая на время наше знание, сокращаясь в те же берега и впадая в море ^{истории} философских систем.

Многие образы и употребляется всякий образ мыслей, основной взгляд в сферу знания, или что все равно: употребляется философия.

Что касается до различия наук или частных отраслей знания, то и в них дух, общий взгляд должен простираться до самых мелких подробностей, подобно тому, как дух какою-либо тельности, составляющей сущность его и основное начало, простирается до самых последних его частей. При настоящих условиях духа науки требуется, чтобы наука была системой, т.е. предметом в себе, в себя частей своего предмета в стройном единстве и целостности. Поэтому философия должна составлять что не отдельное ввержение или вложение в какою-либо науку; но вся наука должна быть философскою, от своих главных и общих положений, до самых частных и изъяснений: тогда только она истинно считается системой, составляющей как наука.

Ботаника, зоология, физика так же суть философия, как и химия, математика, медицина; ибо везде имеются системы, возды, логика, поэтика и гармония знания. Поэтому мы не довольствуемся чувственными изъяснениями в высшей стороне явлений (физикой),

наши образы мысли, когда введем на сцену, наши
любимые желания, мечты, идеалы.

Этой символической, рискообразной яв-
ляется философия. Вспомните орудия, что она
устремилась всегда на предметы, в помыслы ду-
шам и какою-то истинною сущности; всегда
испытала влияние на судьбу науки и отовлекла на
универсальные уроки познания, стала часто отри-
цательные своим мудрости и заблуждений, и
в том она впадает по односторонности своей
стремлений, по исключительности своей пред-
метной.

Теперь, когда она стала идеалом, идеалом,
увлечений, философия научилась гордиться своей
существованием; она сделала попытку во всем
разрушить и сердце; поспособила к разрушению жизни, и
старается одушевить, устроить ее все, что ей
кажется ей доступным и прикосновенным, и
говорит византизм, что она, как любовь, ничего не
предлагает.

Н. Максимович.

Цель философии известной — тогда
слепая, едва достижимая; и ближайший
путь — оныя.

Нам, может сказать наш, цель и какой
путь философии и знания, когда все предельное
и невозможное не имеет другого достоинства,
просит достоинства доказаний, когда при всей на-
пряженности не доставляет нам полного ра-
зрешения, не вводят нас в светозарное царство
истины? Та самая, которая в ответ на вопрос —
ведешь ли, незнающий, — что мы не трудимся со-
ветом рвенности для цели совершенной, едва дости-
жимой, когда само, — та самая цель имеет, что
ввести в область истины, доставит знание ра-
зрешения архаического. — Мы не ставим призывания к
природе бытия, возможности объявить самим
советственно, и кого действительно желаем, что от при-
зывания к истине великого рода идеализма. Самый
идеализм идеализма сам и не приведет нас к самод-
ельству своему; все надобно познать, что невольно
не — Божество, сам собой не создается вторично, и
истина не похищает ее от себя. Его дело — искать
истины, искать вечно; находить ее, но не вли, а от-
части. Можем ли еще устроить своего бытия, —

и не будешь, подобная несообразности совершившейся,
с недомыслием смотрит на свое убожество, оставив
достоинство, с ней совместную. Будешь в безжизнен-
ности поведешь в разлученный истинный, ~~хотел бы~~ уга-
дывать ее в покаянии ее состав не удалось нам
никогда! — Но мое созерцание истинно есть состояние
покая, и не, сможем насладиться одно бытие,
тварь вся привола на движение, ей дано только при-
ближаться к тому покою; ее еще видеть ~~в~~ ~~своем~~
свободы!

Стоя на семь обзвон поприще возлюбленной на
истинно, — кто будет осуждать сиротой, ревнующей
обезличить убожество смертного, сократит вре-
мя и в воздыхании о взыскан; кто будет держо-
венным, неблагородным ропотом возмущать
священную тишину, царствующую воцреу стра-
нность истинной истинно; кто будет поприще воб-
користно, кистую способ на науки, с какою-либо
смертностью ~~смертностью~~ сущим думам и дарам
счастия исканий нежного, отдаленного, с само-
забвением терпящегося для выгоды общества, и ра-
достей жизни? — Мир твой, благодарности твои
от всего человечества, трудившим святой молитвы
при каждой сажит поприщенной в горючие души
о назначении человечества, о его будущности и грядущей
славы. Да облежат и уладят твои обитатели мир

мелты о возможности бытия! —
Но благородное стремление философии к отдаленной,
едва достижимой цели, если не всегда доводит к
ней: зато доставляет другой плод не менее значи-
тельный. — Если не совсем способно к возвышенности
мысли, если, привыкшие привыкать и привыкать, одно
близкое, в разлученной предметом домысливаться
снимают значение ветвей и в отдаленной предметной,
взыскан на философии неосновательное парение
в искания того, что отдаленно — в небесах, и взыскан
того, что под ногами, в близости в бытии
теплым. **Нестрашность.** Чем человек от мира
своего убожество поднимая до высшего совершившего,
успокоит рабство свое какою-либо самосознанием;
и одно с самосознанием, необходимо выражающееся
на философии исканий, с тем такой плод, кото-
рый стоит взысканной цели и человеческого.

Самосознание, самосознание есть корень челове-
кости; оно связывает нас с бытием, оно устре-
мляет нас на предмет чувственного. Но, кто в
нас возмает себя, в тайном помысли неслепоте не
преодолимо чувств, сущим всегда возмает до
горючего, не сможем превозмочь сего начавши на-
мисль, отбитым. Хотим ли сии различить свое бытие
в поприщенности его направленной: сии огромны убожество

требования его своего самосознания. Мы его уже и влордней своего видят, что знает сам не разумеешь подь самосвидения того, что разуметь обыкновенно подь самосознания. Сознание в обыкновенном его проявлении есть только слабый материал и отблеск того само-свидения, на котором выдвигается все великое нашей природы. В развитом самосознании сам уразумевает свою зависимость и ищет ее в Боже, в Боже своем месте в ряду существ, как окруженности, и образ действий носит естественный. Возвести обыкновенное сознание до сей высоты самосознания морально есть цель, достойная самой высокой культуры.

Природа великого человека развилось стремление, и часто действует отъ себя по своему велению, но противяется требованиям высшего разума; завлекается в распутия, заводит в унизительное то, что в нас есть чисто человеческого. Часто конечно какой-то тайный голос дает себя слышать, когда мы готовы бываем обратиться к светлого пути добродетели, к которому предназначены по самой своей природе: но нередко и сам действует против его ищет вину. Не отъ злости ли это сознание чисто человеческого? При всей недостаточности знаний к спасительному глазу своего сознания, при том разрушительном для человеческого величия то-

стужков, совершаемых в разума самоосвидения, при том великом, какое отпечатывается на самом, как человека, вступающего в сознание самого себя, своих сил и назначения, — что не возблагочестит предь нами, неотъемлемый плод какой есть великое развитие нашего человеческого сознания? — Великое, что человеку не всегда удается уразумевать истинное: но то самое, что он, посвятив себя изучению философии, софистики, углубится в своем назначении восходит к богородному великому святости, упрямится, что само устройство природы нашей дает нам надежду бытия и больше постигает разумнейшим смысле всеобщим, изреченное в Природе, и сам входит к нам в участие тайны Божественности, и устремляется к познанию орудия Божественности телом и умом — одно утверждение в сие истинное достаточно может сравниться с выгодами, какие доставляют другие труды людей земных. Раскрытие нашего единения с Первоначалами, проявление достоинства нашего бытия, нашего места в селении и возможности постепенно совершать первое, возвышать второе, не могут не приносить благоговейных плодов и в быту семейном.

Многое может человек, сию же минуту и самим по руководству природы составлять сам как бы невольно и непроизвольно для себя себе;

еще больше смогут возрастать наши познания отъ
большого употребления сил разума, отъ отъто-
вности, поставившей насъ въ различные отноше-
ния къ природе и средѣмъ, завлекавшей наше внима-
ние способно и имѣть своего силъ, и имѣть прави-
лаго сознания, имѣть обширный запасъ представле-
ній и чувствъ и не погубиться до еснаго ра-
зума того, что происходитъ и какъ относится къ
тому, что до насъ произошло — внутри твоего су-
щества. Но такой степеню разума видѣть силъ
способно, очень способно въ быту обыкновеннаго. Созна-
ние въ той нормальной высотѣ совершенства воспр-
имается очень рано, къ нему дошло насъ еще толь-
ко возвышаться. — Большая часть наше социаль-
ные душевные качества и подавлено бываютъ про-
законны и развиты въ насъ нравственнаго. Знать
много, признать во силъ своихъ стремление ревности,
горячие востанъ на маленькаго чувства и имѣть ес-
наго сознания своего качества — есть обыкновен-
ный даръ людей, не достигшихъ до еснаго ощу-
щенія своей небесной высоты. Въ силъ состоянн
твоемъ есть обрѣтѣнная сила. Всего насъ
дѣйствуетъ онъ по страстямъ, хотя всего насъ
имѣть угрожать самому, — нѣтъ уже закона
долго разсуждать, одно и также и такъ само разъ
предсказать, чтобъ, приведши силъ въ дѣйствіе,
самому не расклевается, въ оскорбленнн силъ — по

71
всему развитой. Если онъ не только совершенство и хоро-
шее, то только тогда видѣется хорошаго руководителя
порядочнаго военнаго, счастливаго настроенія су-
ща. — Если воли, какъ создающей все свое величье зрѣть
не осмѣиваетъ, — свѣтлаго разума, вытекающего
изъ сознания чисто еснаго, зрѣть не вступитъ.
Если въ возмѣшилъ до него, знайте и помните, что
вы принадлежите къ числу неслепыхъ, но не небо
всего въ разумахъ своихъ таятъ, и — сообразно съ силъ
дѣйствуете. —

Но хотя не сильнн возмѣшилъ до еснаго разума
нѣ своего качества: — тѣмъ не менее даже позна-
неніе, а за силъ и обязанность вѣтъ: возмѣшилъ
въ до еснаго проявленнаго самосознания! — Возмѣшилъ есть
наше некое сокровище, силъ силъ отъ силъ предъ
вѣтъ величнн тварей, оно — наладитъ на
шего величнн. Его возвращаетъ, его осмѣиваетъ, проявляетъ
въ себѣ, возводитъ на ту степенъ ясности, на которой
выражалось въ еснаго, самое небо; — зрѣтъ на величнн
образъ божества, вотъ обязанность великаго качества —
на, надремнаго разума.

И если наша силъ наука сможетъ помочь разви-
тнн еснаго сознания и ускоритъ оно, то имѣетъ философія!
Келовому не дано проявить въ себѣ величнн еснаго
разумнаго глубины, та высота, на которую воз-
носилъ силъ силъ сознания — не даромъ насъ доста-
тая. Если когда и вступаютъ примеры, то келовому

становится на сию высоту по видимому без думного
ряда сил, без большого труда познаний, и обратив-
ших: то здать мы не видим твоею медленным волею си-
дять в одною силу, — зато оно совершено другим. —
Здатель твоею только постигнутое другим. Тот, кто
захотел бы развито в себя свое величество, самою
ателю, должен бы в быти пройти думный путь
теплым путем соображений и опитов. Не первая
сила, в нас родившаяся, укрепляет нас, то наша
назрание в нас превращено. Только умом сообра-
жений могут развито в нас чувство собственного
превосходства; только выступить думный дасть
истинное понятие о нашей силе. Не сила умом
или рассуждением и соображением сами возбудить
нас к наукам: то именно философия. Ежели
на развитие саморазвития не может идти ни
одна наука или другая наука естественных, ни
иных положительных, или ижемономическое.

Науки естественные показывают нам только
совершеннейшие законы природы, и показывают при-
роду, как она дает себя видеть; здать есть наша сила
на наше внешнее знание, но науки сии, оставаясь в
своей предмете, не могут развешать нас от
зака. Науки положительные, думные больше на-
силу, нежели рассуждением, как они имеют больше со-
бы разнородными понятиями, понятиями и предва-
женными. В них не всегда, и не всегда, в нас рожда-

обращаются к месту человеческого основания и спра-
шиваются, согласно ли это с тем, что говорит раз-
ум; и здать стоит представляется определение,
простейший или правильный развитие человеческого;
но и сии науки, оставаясь в своей предмете, не
могут развешать нас достаточно, показав
нам естественное происхождение и природу нашей.
Если бы человек оставался как животное, и
и при нем посредством не возмощае к вопросу о вну-
шенности своего разума: он на всегда свой бы остав-
ся не развешать работами ума, или и при том же
ности другим. — Между тем, естественная при-
рода возмощае не в одною предметом; но естественному
сознанию показывает она и руководит в себя к
селем, различности, как одному говорит она:
входи в себя; развешай себя.

Теперь, тогда как другие науки в нас возмощае
качеством, то философия, как бы не естественному
для дум, — одна философия ищет в нас
поработительные обветы последовательного и
опытного; возмощае ее на какую высоту
ту, в которой не видна уже земля, на которой
зают от взором и тем же естественным миро-
зданием, и — говорит ему: теперь тем же свои
решай высочайшие вопросы только разумные!
Забудь, что существуют тебе другие, если развешай

Право философии на отдельную собственную жизнь.

Правда путем своим философия только себе
 должна восполнить по своей сути, вполнеть утратившую
 истину: но ее самостоятельность недостаточна по тому,
 чтобы на основании ее можно было пренебрегать, а еще
 меньше подавлять ее другими путем философствования.
 Хотя бы философия во все не уступала в решении главней-
 ших задач нашего бытия, и тогда не должна быть
 оставлена: потому что основание бытия вещей и чуж-
 ствий окончательное состоит не в том, чтобы утратить, не в
 совершенстве их просвещении, но гораздо глубже — в потре-
 бности их существования, оные производятся. Мы видим, что
 что философия есть необходимое и естественное про-
 явление нашей разумности; увидим, что нет достаточного
 основания отказать ей самостоятельную при всей
 власти ее над нами; увидим, что чужд — основание филосо-
 фии — не только не противоречит ей, но напротив
 доказывает ее существование с нею; — такие сведения,
 которые достаточно показывают, что исключительность
 философская не должна быть лишена своего.
 Великую вещь тогда только утратить, и в правду
 утратить, когда она не уступает в ряду вещей, ее не
 признающих, когда она не соединяется с порядком
 существ или событий, среди которых должна жить

или получить свое существо. Кто может сказать, кем и как
 великому просвещению жизни вообще, то должно жить.

Но одна самостоятельность в ряду других вещей не
 открывает еще путь прав и пренебрегать, но наша са-
 мость объявляет призывания философия исключитель-
 ность; она говорит только, что может и должна быть
 терпима. Другие основания показывают, что она должна
 быть возмущена, что самостоятельность нашего
 бытия должна быть подтверждена, и следовательно. В са-
 мость есть, если это открывает великие и торжествен-
 ные вещи, то именно в его стремлении по в-
 ступлению законности — в философии, в его стремлении
 пройти все области, стремлению к совершенству
 жизни, ревности всех ее крайности, забвению на самих
 ее пределы в силу недостатка сил, расширять
 всю жизнь, как бы должна извлекать из себя все
 много в своей области, а также — захватить свое раз-
 суждение. Если это человек сам себя, если
 это может постигнуть оно все великие своего на-
 казания, утратить бытие своей природы: то лишь
 но в философии и в изобретении. Положим, что
 от нас зависит приносить ей благословенные плоды,
 положим, что некоторые философы, поднимаясь
 на эту высоту предельной ясности сознания,
 незнакомыми себе твердыми путем, или восторженно

противоположных образом; ибо чувств (со внешними предметами) и Разумъ состоитъ въ таковой же противоположности какъ многообразнаго и единства. Нашъ нашъ инстинктъ (судя по тому, что онъ имеетъ нашу чувствительность) есть способность для восприятия единого, такъ какъ Разумъ есть способность для восприятия единства. Сущность же всего различнаго, то есть различия чувствъ внутреннихъ и внешнихъ не состоитъ въ никакой определенности; и какъ уже, быть своего рода, казался, терпелось въ неопределенности, отсюда противоположность, въ которой они представляются, посредству нашего сознания; ибо единство представляется (apprehension), по выражению Канта, есть чистое, внутреннее действие (act) въ нашемъ сознании. Это действие, какъ и великое, должно быть приведено въ действие посредствомъ нашего чувства; и въ самомъ деле, все внутреннее чувство не способно для внутреннего представления, ибо воспринимаютъ одно только многообразное; а поэтому для восприятия единства необходимо нечто иное, какъ внутреннее чувство. Наше же, Разумъ есть чувство, приспособленное къ единству. Но это единство должно быть дано намъ. Итакъ, какъ обр. приспособляется къ Разуму данное намъ

72
данное единство и Разумъ къ нему? Выше всего мы должны сказать, что все отношения внутреннего чувства совершаются во времени; наше сознание говоритъ намъ о вещи вразумительно. Въ сущности этого, время есть ступень, въ которой существуетъ единство. Вещь, представляющая единство, какъ внутреннему чувству свойственного данного, способна существовать, въ одно и то же время, какъ во времени и откровение. Хотя наша внутренняя жизнь состоитъ въ смысле, ощущении, участии и др. действияхъ, или вообще въ совершенной жизни представляется, во времени; или другими словами: хотя вся наша внутренняя жизнь есть жизнь времени; но притомъ, вообще единство (абсолютное) должно какъ данное обнаруживаться. Но какъ мы сами собственно не обладаемъ единствомъ, но первоначально содержимъ въ себе только чувство для этого единства, подобно тому, какъ первоначально слышимъ чувство для многообразнаго (для мира), но не носимъ въ себе собственно всего многообразнаго; то изъ этого следуетъ, что представляющее чистое единство въ нашемъ сознании должно предшествовать действию или влиянию на насъ со стороны единства. Если это единство

и светлость, услаждающиеся нами в наших сознаниях,
составляют одно и то же — ибо наш Разум есть
ни что иное, как чувство духа воспринимать светлости: — то
из сего следует обратно, что тогда не существует духа
наш никакою истинною светлостью (словом: никакою све-
щенною единством), если эта светлость вневременна единствен-
на и это единство в своей светлости духа не предва-
рительно не открыто во времени. Без данных и
окаймлений, как и Разум не производится.
Наш Разум без Духа не может быть сивотворно
уяснением и не может единственно на предмете,
наш и прелесть без мира не могут быть сивотворно
уяснением и не могут единственно на предмете. Наш
мир и чувства, наш Разум и Дух в единстве и
соотношении и основываются на единственном законе
Мир познается или открывается в пространстве, по
средством чувств и духа лишь собственно; наш мир
Дух познается или открывается во времени посред-
ством Разума и духа него собственно. Чужие чувства не
создают мира, но его воспринимают как данное,
так равно и Разум не создает Духа, но восприни-
мает его как данное. Безразлично во всем производим

78
шь Разум и Духа, во всем соотношении нашего
бытия; равнолично, безразлично во всем производим
шь чувства начало мира, во всем соотношении внешнего
и внутреннего, как в наших чувствах и мышлении
такой многообразное соотношение. Наш мир не
видит себе света, так и Разум не разумеет бытия
Бога. Не существует ли откровение духа чувств
в пространстве, равно как не существует ли оно
духа Разума во времени? — Но что же открыто во времени,
называется откровением или историей. А что,
не откровение ли Духа или не откровение ли Бога
есть повествование историй? Этот вопрос, по спра-
ведливости, можно задать великим; ибо, во свя-
тосте ветхого и нового завета, откровение
было бы предано такое откровение; потому, что
мы сами собою в Духе Божиим ничего бы знать не
могли. А что, как истинно равнолично отро-
чение: как открывается в истории Духа Божия,
или сверхчувственного Мстителя, чрез посредство на-
шего сверхчувственного познания? Вообще История
не есть ли откровение Божие, как и весь мир есть
откровение силы Природы (*). Этот вопрос требует обратить

(*). Этот вопрос требует обратить

внимательный взор на ограниченности Повествования или
Истории. Эта ограниченность состоит в том, что
объем повествования или наполнение времени (Ито-
рия) в своем объеме не имеет наполнения простран-
ства или Природы (История о Природе). В нашей то-
ка зрения сущность только одной человеческой Исто-
рии; посылку ближайшая, как окружающая Приро-
да отчасти входить в содержание нашего познания.
В Природу сущность присущая, или души сущность заключать,
это все действие ее сущности, постоянно, отрегулированным
образом, и сущности, по закону взаимодвижения, сущности себе
происходят. Поэтому, вообще наше познание о Природе
(абсолютное) самообитное и урегулированное; хотя выше пре-
ставлено, что сущности обитное или творение, сущности та-
кие как Откровение Божие. Но все творение первоначально
не иначе как произведение Природы могло быть равно
привлечено. Таким, по повествованию, Аревинка оно до того до-
шло было почитается произведением Природы, но на
Дух (Бог), как творец верующий, не было еще поз-
нано. Невозможно признать Природу за Откровение пред-
познания Божественного — Исторического Откровения; и
только собственно от него исходит творческий свет на При-
роду.

связано сущности строгой необходимостью. Но не так бы-
вает в человеческой Истории, сущности далеко менее не
простирается как ограниченный взор. Хотя взор сущности
заключается сущности прикинь и действитель, и притом, взаимно
действитель негласный на негласный, народы на народы;
однако, в сущности общего образования народов, сущности
вынуждено признавать в каждом негласном начале
свободного самоопределения, собственный выбор или про-
изволение. Таким, народы состоят из негласных, рав-
но как негласных или народов. Отсюда происходит
такое, особое отношение в общей человеческой основе,
образующей такую Историю. Именно: в сущности этого
свободного самоопределения, не является в сущности сущности
прикинь и действитель, подобный сущности естественному,
но необходимому и негласным законам: но все со-
бытия, все действия человека, по выбору и произволу его
свободного самоопределения, наполняют горизонт
Истории, подобно сущности неравным гор, одна надв другой
возвышающиеся. Безгранично и безгранично сущности пре-
доставлено обширное поле для действий. Таким: от-
сущности событий и вообще Истории, (время) подобны те-
матру, на какие представляются горы, согласно с сущности

человеческим, потребностям и влечень. Обозривая
во всем простором горизонт истории, усматри-
ваем на сцене его тьму и проси, разбурываемые наро-
дами и властями силами (неудачными), кои без-
престанно и в беспорядке ситуются. Стоит рассуж-
но о своем действии отчасти подчиненъ закону При-
роды, потому, что составляет часть ея, к нему по-
требности и побужденія служатъ очевиднымъ дока-
зательствомъ: но, при действительномъ разсмотрѣнн, она
несовершенно подчиненъ закону, ибо способна къ добру
и не къ злу. Внутреннему закону своей сущности,
закону свободы. Отсюда происходить въ исторіи много
различное сущеніе необходимости событий и свободныхъ
действій: необходимыя — по закону Природы, и свобод-
ныя — по человеческому, свободному самоопредѣленію.
Итакъ, если бы признать, что Природа, или наполненіе
пространства еякогоракииными силами и формами
составляетъ твореніе Божіе; то должно не только при-
знать, но признать и признаніемъ, что Божество дока-
но отчасти творчески проявляетъ въ исторіи и на
послѣдннхъ временахъ своего различными происшествіями и
дѣяніями, одно за другимъ ситующими. Это прояв-
леніе отчасти и весьма независимо отъ свободнаго чело-

80
вскаго дѣйствования. Если бы Божество (отдѣльно отъ
человѣческихъ происшествій) не открыло себя во времени,
въ исторіи, то мы имѣли бы о немъ одно лишь, обрывное,
всего одностороннее и темное понятіе, едва ли можно
допускаемое, или необходимость видимаго природы,
подъ видомъ судьбы или правды; — и истинное о немъ
вѣдѣніе въ исторіи представлено бы было самому ему.
Но еще разсмотримъ къ какому подробнѣ сущенію
исторіи. Общая жизнь народовъ подобна жизни частной:
она развивается изъ сущности, возрѣваетъ, существуетъ,
въ продолженіи времени и наконецъ разрушается въ
своей старости. Вся исторія представляетъ собой это
возрѣденіе и уничтоженіе народовъ. Мил. обр., ко-
гда изъ природы появляются народы или земли, произраста-
ютъ: существуютъ въ пространствѣ, возрѣваютъ, пре-
цветаютъ и увѣдаютъ во времени. Итакъ, свобода
рода человеческого есть только видимаго, но крайней
степени, она состоитъ подъ игомъ некоей великой есте-
ственной необходимости закона. Не смотря на то,
свобода есть сила, принадлежащая кельюму; каждаго
же сила имѣетъ въ Природѣ свое опредѣленное су-
щество, своего цѣль, свое совершенство. Обратимся къ
анализу народовъ; касателю сравненія ихъ съ расе-

Надлежаемо признавши Святого или Духа, какъ ему
его истинно признавши въ сознании, проявляясь въ про-
ранетво-временности Откровения. Этому Откровению
достоинствомъ бытъ какъ въ посредничестве, чрезъ него
свернувшись на Непостижимое, предметного и
удовольствиями. Если дано какъ такое Откровение, то
вотъ наши расположенія, отъ которыхъ къ Единому Богу,
какъ вотъ смыслъ внѣшней отъ которыхъ къ нашей способности
сознаний — этому какъ въ хулахъ. Истинно, какъ познаемъ,
что только чрезъ внѣшнее (въ пространствѣ) данное, при по-
средствѣ нашей орудій сознания, обладаемъ предель-
смыслию и смирно, и что, какъ это данное, такое равно на-
ши способности сознаний необходимо въ совокупности
принадлежатъ Единому Богу. Также самое отноше-
нствъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ (разумности), и его
предметами. Истинно въ предметахъ — ничто, какъ по кра-
ней мере въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого представле-
нствъ о предметахъ. Если мы имеемъ представлений
Разума (идей), то они должны быть проникнуты,
возбужденны и определены посредствомъ къ предмету
наго. Выше всего показано, что одни только представле-
нствъ не могутъ доказать своей предметности, и при томъ,

82
въ ней не связь самаго о самомъ представлении.
Вотъ случившаяся: какъ, обр. — имъ уяснилась до
представления и въ общезн., не только какъ въ Духе,
въ противоположности Природы, — но какъ и въ само-свя-
тливости, какъ орудіемъ, въ общезн., какъ орудіемъ твор-
ствъ и Духа орудіемъ. Также и при этомъ отно-
шении къ свѣту и дѣйствію Высочайшаго Духа и
какъ до насъ доходятъ изъ суживой сферы бытія и дѣй-
ствія. Сфера пространства — временная сфера бытія
и дѣйствія — при насъ существуетъ. Итакъ, необходимо
происходитъ сама представлению изъ пошепнутой сферы;
т.е. какъ пространство — временное Откровение Бога
необходимо. Если оно необходимо, то должно существовать,
существовать, или можно только искать его. Бога
существовать какъ представлению какъ Духа, какъ пред-
ставления происходитъ отъ познания его духовнаго су-
щества. Но этому, Природа въ своемъ бытіи и дѣй-
ствіи какъ оставлена въ сторону; ибо она есть мно-
жественное или множественное существо, въ которомъ духъ не
иметь проявляться только посредствомъ. Итакъ, вообще
творения въ пространствѣ есть посредственное Откровение
Бога, но не то, какъ мы имеемъ. Это самое сего, време-

зренье остается истинно называемого Откровения; но
понятие же времени происшествий составлено
Историей. История говорит непосредственно о Духе;
ибо она изображает его действия; и существо Духа
состоит в действии. Но разве наша жизнь сама
«вечно пространство временного Откровения: почему сама
«она теперь отключается на одному только времени?»
Потому, что время является только собственно открыва-
ется в пространстве; потому, что время показывается:
когда и где что само есть само; и наоборот: потому, что
пространственное бытие (видимая Природа) есть орган
Духа, действующего во времени. Истинное Откровение, ко-
его суть предвзвешено, есть время; впрочем же его явле-
ния есть пространство. Поэтому, сие определенительно
разделяет временное Откровение от пространственного
или исторического от естественного. Впервые вначале
здесь представляется очевидное замечание: как. обр. Со-
твое, Бог способен открываться в человеческом проше-
шении, в конце главного начала состоит по Божеству
человеческой свободы? Вот человеческий дух есть
привольная (свободная) или свободная, и все История есть
таким человеческим духом. Сами действующая воле

83
мы стали заметать в таком человеческом духе,
то от сего происходит в разительный контраст;
ибо вот человеческие происшествия носят на себе печать
преходящего, между тем как воистинные духи
отличаются характером непреодолимости, вечноности.
Многосторонний противоречивый предмет имеет объек-
ности высказанного. Но сие это и есть дух. Но пер-
вее: История не есть одна только такая свободная
человеческая действительность; потому, что она утвер-
ждает часть на то, что в высшем духе, сие
терия есть действительная; а сие сие терия состоит
из человеческого условия, между тем воз-
можны одни человеческие духи. Если человек имеет
будет сие естественное условие или только одна
ему определенное в возможном ограничении; то
он не становится неспособным действовать или
его действия ограничиваются во всем смысле кру-
го. Истинная душа есть: качества земли, камня, воды,
вообще всей Природы, организующей человека; духом;
организующая сила, мышечность и самая физическая
расположенная человека. Но вечно такая способность
свобода человека всегда ограничена или таковой

должна быть; но остается пространное поле посто-
ропней мысли и видней на развитие, руководство, направ-
ление законодательной деятельности. Однако же, думают
кто имеет никакого влияния собственно на свободное дей-
ствие человека. Это только кажется таков. Но в самой
сущности свободное действие не безусловно: оно связано
законом, закату которого мы не выводим, но не отрицаем
суть его: — закон есть святости — закон есть истинной
свободы. Это есть истинный, единственный, постоянный
закон жизни человека. Это есть, руководящий
его ко будущей жизни; это есть, отвергающий его
не царство Природы, но Царство Божие. Заметим еще
первый раз слышим мы о царстве Божием, и
до этого жила наша земля вообще в Духе. Вот что
уже во втором подемать равному. Тут Дух
такой свободы; и жуда ветрности закона свободы, таков
исполняет преступник что Царство Божие. Это
есть Царство Божие? Это есть царство жизни, которое
выше всего предельно Природы во пространстве и в
время, выше всего ее сил и власти. В это царство
сможеть и должеть войти человек, во нем утвер-
дится, во нем исполнит свое назначение и найдет

84
доль своей земной жизни, которая для будущей со-
дешит в себ одно только средство к жизни. Тут
принимается история новой жизни, и история открыва-
ется новой новой жизнью на нее. Тут проделана вы-
сочайшая думная работа на земле человекской. —
Каковы обрести это проделано? — Свободный
каждое действие, производимое человеком, должно
быть законно ^{Духом} и истинно. В первом случае человек вер-
нется во союз со Святостью, с Духом; во втором —
отпадет от него. Дух есть высочайшее, истинное, выс-
шее благо. Противоположное закону истинной
свободы (Духу) увлечет человека и лишит
его высочайшей жизни. По мере жизни есть смерть,
столь потеря душевной жизни вообще есть душевная
смерть (смерть). Жизнь есть бессмертие, бессмер-
ствие. Истинно, Дух не вмешивается в свободное
действие человека, направляет его блаженными
или наказывает. Смерть. Это открываемая
Духом человеку. Но это не есть то Откровение, о котором
мы говорим. Это должно случиться только до
рождения, когда Дух может действовать
на человека, не лишая его свободы. Это есть одно из
последних действий Духа во нашей внутренней жизни.

кого развития для вечно-вечной жизни. Откуда
должно происходить наставление, руководящее на
путь этой жизни. Не от людей ли? Но они сами не знают
во всем необходимости. Не от вечно-вечной ли природы? Но
о свободе и правдивости она ничего не знает. Истина,
наставление может происходить от Духа Высочай-
шего и сообщается быть духу человеческому. Но как сообще-
нны ли вечно-вечной это наставление. Ответственно на
путь человеческого, человеческого. Истина, дух Божий
должен спускаться к человеческому, говорить человечески
с человеческим: вечно должно проявляться во времени,
Божественно-историческое Откровение для нас
должно быть средством сверхъестественной Истины. И
этого следует, что когда оно проявляется во времени,
тогда становится историческим или повествовательным.
Истина, Божественно-историческое может быть парам-
етром в истории человечества; ибо время есть широкая
река, которая в своем течении несет и великий ко-
рабль и малую лодку. Проявление Духа во времени,
как действие Божие, или как постепенный ряд во-
схождения духа, по характеру своему, различается

86
от ряда ^{рода} дум человеческих. Но Дух, как Святой,
производит одни светлые думы; но дум человеческих
как существа почти всегда уклоняются от света
не-света. Принимаясь знакомить это в том смысле,
что люди образуются дойти к свету существа.
Истина, очевидно, что Божественные думы, противо-
положны человеческим; первая отвлеченная характе-
ром неопределимости, вечноности; напротив, вторая,
временна и преходяща. Цель Божественно-повествова-
тельного Откровения составляет не одно теоретическое
изложение правды; но великое исправление человеческого
рода человеческого. Основываясь на этом, для подроб-
нейшего изъяснения каждого предмета, мы еще введем
на историю. Народы умирают как и рождаются, и
как они состоят. Отсюда, мы усматриваем, что
дух и склонности людей греховны, от одной не-
красоты, свету — не-света. Все человеческое происходит
предметности непрерывной ряд греховности. Отсюда
должно признать, что человек, по своим роковым силам,
предназначен для свободной, святой и вечной жизни. От-
сюда важнейшая потребность человека в превосходности

урагии, которое обитает Дура (всего) и погн ему преподает
счастливо во времени и повествовательны. А также,
время есть стихия, содержащая и управляющая думами
человеческими и светлыми думами Дура. Поэтому, время есть
одно посредство управления. Время и пространство являются
ны противуположными силами, кои действуют в них
История: Вселенная и Земная (Небесная и Земная),
подобно дню и ночи, состоят в отношении одна к дру-
гой как и тьма, необходимая противоположность, Мелоч-
ливый стоишь на такой точке, в какой указывает, что сущность
такая называемая светом или правды или истины
происшествий тогда принимается совершенно односторонне
когда признают во времени одно явление человеческих дум
ствий и склонностей. Божественное и человеческое или
не-божественное суть две стихии, кои встречаются во
времени, противоборствующие между собой. Они встреч-
аются между собой, располагают время так или иначе
борются. Но божественное берет преимущество над
не-божественным, подобно свету солнцу, разгоняющему
ночную тьму. — Второе начало истории заключается всту-
пении Света, во время и владение его во нем.

87
Это все упомянутое применимо по-прежнему как одно
необходимое условие. Проявление же сущности таково
Божественное начало в Истории, которая должна по-
сылать на себя его характер? и как оно собственно открыв-
ается в Истории? Наполнение времени и ход его с напов-
нением пространства, в коих все вынуждено принять
два противоборствующих начала: свет и тьму, или
светлое и темное или начало и многообразие. Жизнь
на свете распространяется в единую противоположную
направленность, кои все производимы приливом и отливом.
Если воспримем противуположность во наповненном времени,
то оно может основываться на противоположных
началах положительного и отрицательного. Тот сам
жизнь, Божественное начало носит на себе характер
света; оно есть вечное начало, начало единства; на-
против, не-божественное отличается характером тем-
ноты; оно есть начало великое или многообразия.
Этот последний характер принадлежит человеческому:
оно, как толь-что-бытие, способно к деятельности,
вечного направления, кои имеют тьму, или
кажется во великом. Но вопрос: почему же это проис-
ходит в Истории? отвечаем: по предшествующему. Изредка

существа. Мысль, означившая проявление Бога дарованная су-
ществует в граде каменном; и если они грехи не существуют, то
то мысли таясь, грехи не излучивши и не проявивши себя.
Ничто таясь не достойно ваяния. Велика как дарование цело-
вечная блаженства и вечной жизни. Но стоишь как недостоин
ны этой жизни; они суть вседневные грехи наши; и потому
живи в них той праведности, которая предстает предъ Бо-
гом. Мысль, стоишь грехи быть возбудивши, святиши, если
хочешь получить блаженство. Представление, изшедшее отъ
Бога, должно быть великого исторического рода человеческого,
воспринимая отпадшии грехи и отеческие дары, историческое
божественное слово, благоволение, милосердие. Но эта история,
какая же все каменное, времени, доверна и живы камен. Это ка-
менное явление свидетель о падении. Слово само Бог по па-
нии (роду) неуживая своего благоволения к роду человеческому,
то оный каменное слово все историческое о нем божествен-
ной святости (праведности); ибо святость есть вечное бытие
и существо, ктому не святость есть праведное бытие.
Божественное благоволение проявляется во времени. Время
царства постепенного развития. Во историческом благоволе-
нии постепенно проявляется во времени, как оттопавши и
совершение во будущности. Это оттопавши должно быть
духу человеческий. Ему должно предшествовать заведомое
вание слов и действий. Но слово и действие у Бога есть

89
одно и то же. Бог заведомо истовован в падении человека,
ибо, падши, во своем грехе, забывши Богу, и сами собою
не могли вернуться, стилиши во соотношении. Бог должен
упрекать человека во его согрешениях и преступлениях
против закона жизни. Отсюда должно возмизать на-
кало божественно-историческое Откровение, и во нем за-
ключается божественное действие, которое есть нака-
зание греха, наказание смерти. Человек возбудивши смерть,
и он должен непременно подвергнуться ей! Мысль, что
божественная благодать, сама выдерживает смерть. Не
возможно, таясь Бог быть не быть. Человек должен при-
знать, но признать временно. Божественная благодать спаса-
ет его дарованием, вечной жизни. Человек не обязанно
получает это блаженство: он не должен нарушать свя-
тости. Во продолжении времени, Бог предостает цело-
вечку: неставлені закон, угрозы и увещания, и при том,
напоминает ему о оттопавши. Великий стилиши всегда
сидит во истории. Но как? Грех. Воздвиги. Мысль! Мысль
только, что есть грехиго присмелость. Эта присме-
лость стилиши есть вера, истинная доверенность сердца
къ Богу. Она основывается на истинной непорочности, истин-
ной простоте, кои утверждают ей предостаного похвалою
возраженіи стилиши дары. Доказательство и повод этой

Вопрос есть покорность Божественная заповедь или
благодать. Непрерывный ряд Божественных Откровений
проявляется в тесной связи, покаянии, народе, где у
тотчас же. Вспомни, по крайней мере, то, что, если человек
не всегда подвержен перемещению. Высшая же доказательство
силь Откровений есть исполнение древнего обещания, изобил
ное влияние Божией благодати, Божественный залог благо
дарящий по древнему роду. Возвращение этого благодаря, и
исходившее от народа вступившего, доброго, как и истинный, гор
ный источник живой воды, в те же времена дайте и дайте
распространяется и находит этого водного источника народы.
Распространение Вспомни сопровождается учением, историческим
правилом, предостережением для принятия и уважения Божественно
откровенной благодати. Показательны присланные Откро
вения, как средство между нами, как и проявление свя
твейшего Духа; то оно должно быть как историческим
возможным и утверждаемым, как своим началом. Но тут как
происхождение преданий, как истинных, исторических книг
о священных событиях? Каким образом мы и в народах учимся
сильнейшим и истиннейшим? Каким образом о происхождении
и о науках и искусстве или о древних великих и могучих
государств подобно древнему дереву: Богомозрительный
его, с введением, мы имеем одно учение, которое никогда суще
ствовавший народы, то есть, что с первого взгляда, мы знаем

не находящих никаких признаков священных событий
и мира (событий) истинных. Каким образом, священные происшествия
такие никогда не происходят, но при вступлении и истинных в эти
наша ответственность, сохраняют своего первоначального
единичность. Величайшая Методия, подобно дереву, которое,
возрастая в высоту непоколебимей, предостерегает, гро
зится своим, проявляет и приносит плоды, как в
настоящей жизни, так и в будущей отбывает иль.
Относительная древность, равноценно и ближайшая но
вость должны быть двумя необходимыми точками Священ
ной Методии. Ни в памятниках, ни в истории
древних Греков и Римлян мы не находим ника
ких следов священной Откровения. Каким образом это ста
вать о проявлении древних народов, кои и в настоящее
отражения, продолжают свое существование в сла
вой отходах вырождающегося потомства, подобно
великому дереву, загнило, сохранившиеся в разва
лины. Индия, Персия, Вавилония, Египет
суть народы, сошедшие с своего происхождения. Китайские
народы на окаянность. Вот почему мы не
не суть наследниками живого, Божественного
Откровения. Мыслим один народ, который с самой
древней древности, никогда существовал, помыслим со

хранитъ свои предвѣдѣнныя свойства; не смотря на то,
что не составляетъ единства царства, въ извѣстныхъ
предѣлахъ, и обитаетъ разбѣлено во всея странахъ сира;
и въ бытѣ этотъ народъ по близости раздѣленъ, ^и
бытѣ по внутренности соединенъ въ единый духъ, въ
единое почитаніе и уваженіе преподанному Закоу и
Божественнымъ обрѣченіемъ. Этотъ народъ суть Изра-
ильтяне; они продолжаютъ существовать въ надеждѣ
на свое древнее обрѣченіе. Достойно приисканіе, что
этотъ народъ издревле именуется избранными и любимыми
своего Всевышняго Меморію: обитаніемъ въ отъ сего
глубокой древности должны тщательно сохранены. Если
разсмотримъ ихъ обитаніемъ, то найдемъ, что они, по
всѣмъ признакамъ, постоенно носятъ на себѣ характеръ
историческаго Святоства. Мы найдемъ въ нихъ величавую
опредѣлимость, силу, времена и всеобщую причину
въ соотвѣстствіи съ явленіемъ или откровеніемъ Святого, кото-
рое не можетъ не признавать отъеченіемъ Божественнаго
свойства и истины. Творецъ неба и земли даетъ законъ
жизни и смерти, превосходному своему творенію. Нарушеніе
этого закона сдѣлаетъ его вѣдѣнныя соединенія отъ Божества
и подороженіе смерти. Но ему вѣдѣнныя обрѣченія Подороженія
вѣра дати. Въ родѣ Блаженствъ сохраняется это

91
обрѣченіе и имъ роу въ родѣ Духа Святаго сообщается
его своимъ избранникамъ. Оно подобно утренней зарѣ, рас-
пускающей сира и преушествующей востоку духовнаго
солнца. Разрушеніе Спасителя, побѣждаетъ смерть
и возвѣщаетъ вѣчную жизнь. Возвѣщаетъ великую
радостное извѣстіе и приисканіе къ истинѣ сирво-
та вѣчнаго. Подобно искрѣ, охватывающей во всемирно,
разпространяется это приисканіе во всемирно
временахъ. Духъ свѣта и жизни проникаетъ во всемирно
сирва и обрѣщаетъ отъчужденіемъ отъчужденіемъ.
Разрывается древнее стадо, сдѣлается пастыремъ и востокъ
видеть новое стадо вѣчныхъ народовъ. Но неострашительная и
древнее стадо; оно безрочно до послѣдней истинѣ
на время. Многочисленныя проушествія распрѣ-
ты; имъ обитаніемъ въ всемирно; и въ Откровеніи оуру
есть насъ, какъ стиснѣя свѣта; отомъ только отъкрытъ
глаза, чтобъ видѣть историческаго книги Всевышняго
Откровенія предъ нами; въ сравненіи съ ними ничто
приведено быть не можетъ. Отъ сирво слово Божіе.
Все то, что мы имеемъ знаніе о Богѣ и Его наит-
реніемъ, погрѣшаемъ имъ этого истиннаго. Если мы
постигаемъ Духа Святаго Писанія, то оно насъ
просвѣщаетъ, наставляетъ, ублажаетъ. Мы имѣемъ

состоит не в мертвой букве, но в духе Духа и Любви.
Любовь есть высочайшее, что только Бог может от-
крыть. Бога Откровение: ему не знаем о Боге, ни о Бо-
голюбивой Любви. Мы Откровение мы познаем; и все
свирную историю падения и возмуженную историю искуп-
лений. Это истинное взаимное отношение. Вселенная
История подобна сорочке, веществу, мимолетно
вспыхивающей Божественного Откровения: она заключена
в сферу его. Вдоль доказано, что (вспомните истори-
ческое) Откровение есть посредственно сверхъестественной
жизни. Наш мир мимолетно наши чувства, наши мысли
содержат Духа, проявляются во времени, мимолетно ра-
звивая, проникая, оживотворяя, осуждая его. Никаким
другим путем, никакая философия не дает нам этого
Божественного ^{путь} Откровения. Мы ничего бы не знали о сверхъ-
естественной Жизни, о Боге, совершеннейшем Духе
если бы Он Сам не изрек нам о том, что устами Своими
Послазавших, Пророков и Апостолов. Вот истинная
истина: нечего думать, что это слово вняло!

Действие.

Днев

надгробный Генерал — Франциска Князя гра-
финя Вильгельмовича фон Дерб — Оттен — Сакена,
сказанная Профессором Императорского Императора
в. Владимира Михайловича Максимовича, в Мадриде
в субботу, 10 Августа 1854 года.

Еще гроб добести и славы!... Еще мимолетная смерть
жизни!...

Ваше дело, в субботу день великий мирского,
Киев предавал земли Первоверховенной Церкви своей, су-
ществитель престола России. Но вот, в субботу день про-
славия Христианского, перед нами гроб дурного старца —
Генерала Оттен нашего, существитель престола Царского.
Древняя Мадрид Русская городов, в этих духах ра-
зумности и доброты Оттен, смирная первоначальная
каноническая святость, а наш новый Граф Князь — смирно
первый Почетный Князь.

Ужасно похищена мимолетная жизнь
Генерала, которая до последнего дня посвящена была
мирному, преданному труду, взыскавшему и в добрейшем давнем
жизни и славы Русской земли.

Но следя и робко приступила смерть к Герою,
который быстро и смело распорядился его, на пользу
бравцам нашего Отечества и всеобщему миру. Покинувший
Герой ныне преждитъ въ томо миръ, какъ въ дѣла того,
чтобы смертью своею смилостивитъ сему миру недав-
нѣе великіе времена Русской жизни и славы: при видѣ
гроба его, оживляющая въ памяти нашихъ эти величественныя
дѣла Россіи, эти великіе времена, въ которыхъ беспрерывно
побѣдоносно шло и его суровая брань.

Рядомъ кавалеру сурово въводитъ этого почившаго
кружъ славы, какой прошея нашъ главный Французскій
Мать героя, на которой переступаетъ цѣлая жизнь только
не смолкаетъ людей, былъ временемъ его величій престолу
и Отечеству, — и 10-летній его сурово представлять
решитъ подвиги, продолжая имъ, словно бы разсказывать поуче-
тельную исторію побѣдоносной жизни Россіи.

Еще въ началѣ вѣка Екатерины Великой,
въ 1766 году, новый Каналъ соединилъ Подпорожское
на поприще военной суровости, которая постепенно возвы-
шалась его, и проводя чрезъ многолиственные брань, чинила его

битость и храбрости. Будущий Французскій былъ въ
сравненіи почти верста, куда летела тогда Русскія Орды
на гору своихъ Волгодонскъ и Павлоградскъ; дѣла нѣтъ
не были неприступны высокія крепости Шлиссельбургъ, не были
непроходимы высоты и твердыни Аляшскія: Русскими
Французскій былъ Каналъ Каналъ — Курорскъ, кото-
рый продолжалъ въ 65-ю годовщину, само было все шло,
но ни разу не было разбито, всегда побѣждало:

„Были горы первыя, въ суровость строгую;
Шлиссельбургъ виситъ, высоту митрополитъ,
Рокъ — низлагаетъ молотомъ и Торопскъ“

(Дерзавинъ, 1800.)

При Шлиссельбургѣ — на стѣнѣхъ каждаго первого вѣнчикъ съ кре-
пости почившей вѣнчикомъ, но вѣнчикъ каждаго каменнаго
солдата дивнаго храбрости своей — подполковникъ Каналъ
былъ канцлеръ Курорскій и представлялъ отъ него въ шло
потомкившій суровыми подвигами на штурмъ.

Въ 1797 году Каналъ былъ уже Русскими Генераломъ.
Война водила его на Аляшскія горы, отогнала нѣтъ ва-
канскаго его въ суровость, и потомъ поставила на чрезу

максимальный друиствий, въ началъ царствованія Александра
царя Николаевича.

Насталъ годъ великій для Русскаго Царя и народа —
двенадцатый годъ. Воимениемъ Москвы Россія принесла
всесовершенную смерть Христіанскому кесовоцеству. Ожи-
стивъ мудро свое отъ пошурствительныхъ враговъ, вполнѣ
сознавъ свою силу и самостоятельность, великая Русь цстре-
силась въ путь, самаго Божья ей указаній — растар-
куртъ мѣтвъ, наложенный на царство самовластель
властительныхъ Ванагда, даровано миру Европійскому миру,
и воздвигнуто Иисусъ Второ Христовой въ простовищеніе
роумна кесовоцеского. Великое, вселірное дѣло совершили
Русскіе, по мѣтвъ Царя, самимъ Богомъ на сіе дѣло
выбранного и благословеннаго:

«... въ бордну повалиши
Мы тѣлоотпавицѣю надъ царствомъ Царемъ,
Мнашей правдою похитили
Европы волюность, кество и миръ.»
(Полнота, 1831.)

Въ сіи то роковыя, великія минуты Русской жизни
и славы, и жизни Французскаго просвѣтителя похитили
всестатальными, и его имя занисана гдѣ Меторіе на

тѣхъ страницаяхъ, гдѣ представляется имя Россіи въ ея
высокомъ величій, на веру смущества и массы вселірной.

Тогда на ета знаки отпавицѣю и блестящія звѣзды,
нашимъ усвоена была грудь похитителя Героя, како живо
не вполнитъ похитца его главы и тѣло тѣмъ, како —
рубитъ Россіе уахитила наконецъ обтванной цѣли?...

Этотъ орденъ Карла Дрѣва: или прирашенъ бѣлою кавъ
Героя отъ Иностранній за славу побѣду при Иаубаевъ.

Этотъ орденъ Сергія Побѣдоносца: онъ напослѣдствіи
пристѣ Екена въ битвѣ надъ Сѣйтискоу, гдѣ соверши-
лось кровавое смѣдоукобѣ вѣтѣхъ народовъ Европы.

А сей великій орденъ Андрея Первозваннаго: это же
града за величій дѣло Сакена надъ Грѣтискоу, въ кото-
ромъ была первая военная школа гонимаго Наполеона,
и надъ котораго теперь западній истопилъ брѣни про-
играли роковыю, первую во Франціи битву въ Русскихъ
воинствѣхъ. — Главная виновникомъ сего дѣла бѣло
Сакенъ и во самимъ Грѣтискоу (17 Гев.) и надъ Каретбергисъ
(20 Гев.). Мѣтвъ нашимъ радостнѣе предвѣстисель вое-
нѣтѣхъ нѣ въ своемъ докесаніи о побѣду: « въ сей достопа-
мятній и великопѣтній дѣнь Александръ похитѣтъ сва —

зато: А даю вам покой! —

Абриантовская шпала, хранящаяся в Московской Оружейной палате, на память от Ванена: она на полтора в. и бывшей столице Ванадо то время, когда она со восторгом предоступила перед Русским Царем, напомнившим ее и много войны и близости великодушного мира! — Миря свое падение на шпале: «Мирь 1814 года.
Гораздъ Нарисовъ Генералу Ванену — ширинный Нарисовъ благодарности къ России помянувъ въ нашемъ война, своего Генерала — Губернатора, которого встретилъ онъ и сопровождалъ повсюду съ рукою каменнымъ и восклицаньемъ: «да здравствуетъ Самецъ!» — Онъ исполнилъ вою и по другой полковой шпале отъ национальной гвардии и по портрету Людовика, которого дарованный Франции Король подарилъ Русскому Генералу за благополучное управление столицей Франции. —

Вотъ величественный и ширинный жизни нашего великого Фридриха! —

Но восстановление общаго мира, началъ знаменитый подполковъ свецъ, и ширинный Герой постановилъ свецъ отъ Царя Павла командующимъ 1ой Армией (1818) и воз-

везенъ въ Трифонное достоинство (1821).

Подъ деревяною Шпалой Первого заблестели новые Герои — на страсть враговъ; возграли и новые победы — на славу нашихъ... Важнейший воинъ оставался ревностнымъ стражникомъ Престола и Отчества, и наши возлюбленный Монархъ почтилъ его высочайшимъ вниманиемъ своимъ: возвалъ его въ санъ Генералъ — Фридриховича (1828), возвысилъ въ Княжеское достоинство Российской Империи (1832) и драгоцѣнный своимъ погребениемъ украшилъ (1831) твердокаменную грудь, подъ которою билось сердце, исполненное верности и любви къ Царю и Царству Русскому — перстца, которыми обвѣсья сердце вотъ истинныхъ мыслей в России! —

Мило и широ докопали душъ свои прежними Герои. Ближние отыскать его кончину; Русское воинство, съ груднымъ маршемъ и прощальнымъ граемъ, проводитъ гробъ своего Фридриховича; Отчество не забудетъ его погребовъ и защитъ; и сама православная Церковь, урачная крестъ, которому правилъ онъ за Свѣтлою Русь, воздастъ ему вѣчно память. —

XVIII.

Имя,

произнесенная на Публичном испытании учеников в
Владимирской Гимназии Викарием г. Св. Св. Св. Св.
Михайлов - Александровичем Миловошиным. 1847 года.

Почтеннейшие Поэты!

Миродержавный Промысел надзирает и возмущает
круть действительности всякой вещи и силы природы, от
силы тьмы, содержащей жизнь в стройности тьмы
ней, до самого высшего атома. Доконит сила тьмы
твоя наследует в определенной сфере своей; тьма,
целостности и благоговения ее действительности: но как скоро вы-
ходит из границ своих, она движется вперед и
вспыхивает, не только соединяет собой и тьму, но
ко ей противодвижется. Тьма благоговения для при-
роды движется вперед и выходит из границ своих,
превращается в губительную урагану; а подвиги
опло прорывает тьму земли, тьма и тьма в тьму
тьмы.

Мир душой, созданный тьмою же в действительности
целостности тьмы и мира физического, управляется тьмою

добрыми законами. Каждой силе души нашей указаны
свои границы, определенным кругом деятельности. Если
они не преступают указанных границ, они действуют
по воле, но в том своем кругу, или в себе безупречно, или
даже губительно, вредно. Точно наша свобода, гра-
ничнейший дар Божий, вверженный залог нашей
славы временной и вечной, — преступая границы дозволен-
ности и пользы, предметом любви царств и на-
родов: так и наша разумность, светилница, охраняющая
справедливую тропу жизни, руководитель к истинному,
несмертному свету, — будет или малым котлом
богопосоха и правосудия, или врагом Бога и религии,
если из круга своего перенесется в беспредельную полосу
воли, если держит в руках недовольное. Оттого
у древних философов столько грубых заблуждений
о личности Божией, о происхождении мира, о насто-
ящей и будущей участи души человеческой? Оттого
непроницаемый туман окружает благодетельную
и теорию глубокомысленной Термидор? Оттого легко-
мысленная Франция во всем была дерзко восстала
против Евангелия, почитаемая священными и тайными

и Божественных таинств? Оттого, что разум
заботясь изжить в себе все нежелательное, взяв
бегство вширь своих, вглубь произности судя наду-
тись, что не поддается суду его, — порою преступил
предель, указанный ему заботливой магией. —

Отсюда видно, сколь важно и необходимо для кажда-
го, насколько удовлетворит благороднейшей потребно-
сти духа — стремления к истине, узнать границы, которы-
ми ограничена круг его деятельности, узнать, что он
может и чего не может при ветях своих земных. Точно
познание полезное для ветей, особенно нужно для плодов
ломать, неискушенная опытом, неувердившая дого-
временным размышлениям. Мной чув всегда действительный,
легко увлекаемый ветями ветроумия, весьма удобно
может обмануться во размышлении сил своих; — это
едва определенная потенция; — думает, что переменить воз-
душно пространство; но падает от ветвей на ко-
силь и разбивается.

П. С. Вот причины, почему я, шите поручение бес-
спорно от Вас среди полных питомцев наших в сей

дальняя наша турбулентность, ртутью восстановит на
новом уровне симулирует себе и Боже вмешание их толь, как
древне проступает, область греха, и гонимые область
всего. Удостоите М.м. Т. Т. сличительного вмешательства
свое краткое слово.

Единственное средство удержать предель, которыми
древняя ограничиваемая сфера греха, и гонимые область
сфера всего, — это удержать, какой ему вводит талант
Феридовский и Кладового, раскрыто определенно сферу сего
его. Для сего нужно сперва приучиться к суду гонимых
несколько, потому повредить его свидетелем в Откровении
и предании Метории.

Сам основан судение о разумит на одну суду
человеческую: то можно подумать, что едва не безконечна
сфера сего его, что ему все доступно, что он может по-
нимать духовное так же, как и чувственное, извещивать
небо и землю, проникать во суды Божии так же, как про-
никает иногда во внутренние человеческие; ибо человек
только не гордится человек, как своих разумит; он
называет его светом измеряющим и единственно
наказание вглубь, безобидные судия и надежные

руководимые на сложной цепи жизни. Но сознание ни
такой суду сколько триста тысяч, столько и неоправданных.
Ибо не оправдывается ли без триста тысяч свидетелем
св. Писания, ли правдивыми преданиями Метории.

Божественное Откровение описывает естественное
человечка вообще черными красками; но ветвь его способно-
ствит, а гоним. и по разуму отности наивысшая при-
нужденная и великая скорбительная для нашей цивилиза-
ции. Ветвь руководствующаяся одним разумом
называется то внутренним восприятием сознанием, то получением
новым знанием, то определением вниманием, всех полюбовных
иных смыслов человеческих судит судит по
имению своими, и оправдание перепутанное в сердце, в сво-
ем суде обнародования, и до такой степени,
что, по выражению Ан. Павлова, разум сего по себе
не только не может изобретать истины высочайшие и
Божественные, но даже неспособен и понимать их:
душевные качества не приемлет, сего, Архиа Божия, пород-
ство во ему есть, и неспособен разумити.

Поэтому разумная вещь сама найдут путь

мение и на скривившей историей. Ежели философия есть
беспорно высочайшее проявление духа человеческого: то во
произведении философов, какъ представителей народной
смыслительности, надобно искать того высочайшего сте-
пени совершенства, до которого только может возвыситься
ее разумъ человеческий. Но где мы найдемъ его? Въ бого-
братной ли массе религиозно-философскихъ мыслей, по-
рожденныхъ огненнымъ фантазиемъ Востока и Индии?
въ ученияхъ евреевъ и Персовъ, Индусовъ и Брахмановъ?
Но тамъ ничего не найдемъ, кроме самыхъ неясныхъ мыс-
лей, самыхъ грубыхъ представлений о смерти и Богахъ. Геродотъ
и Зенонъ, Брахманы и Зороастръ мертвыми, вовсе не
разумидае. Революция ищетъ истины и разрабатываетъ
основательные начала свободные мысли Белады, поддружи-
воетъ степенного сократу, восторженнаго Платона,
искусственнаго Аристотеля, строгого Велона. Вотъ
самое едрное соавторствіе на тверди философскаго міра,
приказавшее благоговѣйные взоры современниковъ и потом-
ства. Кто же судилъ имъ чужие, действительно великіе?
Озарилъ ли светомъ своимъ ту мрачную бездну, (въ которую)

въ которую повержено стужное челоучество? Указали ли на-
дремный путь къ блаженному потерянному? Открыли ли
тѣ высокія истины, безъ которыхъ челоукъ есть самое
твореніе? Ничего не судили! Никакого удивленія не вызва-
ло ни ученія ни современниковъ, ни потомству отъ
идеальной республики Платона, политическое учение
сократу, Аристотеля, Эпикура и Плутарха, какъ и ученія
сократу. Доброжелательный сократъ, тотъ великій духъ, ко-
торый, по словамъ Цицерона, свѣтъ философію ея небо и
повесилъ ее въ городѣ и вселен, не захотѣлъ обманывать
потомство; онъ, какъ величайшее ученіе, призналъ не-
титу, какъ она откровенно; теперь то я узнаю, что се
"ничего не знаю." Это признаніе всего можетъ изобличаетъ бед-
ность разума и его величїе; видно, что онъ ищетъ не нѣтъ
тамантовъ и меда, но единъ по силѣ и чуждымъ силъ своимъ.

При такомъ величїи разума способно ли быть об-
ширень крутъ его думательности? Высоко ли возпарилъ
онъ самъ собою въ высшую область духа? Люболю ли
проникнетъ въ священные тайны божьего руководства вѣры?

а). М. е., онъ пре-
добрѣе, фиди-
религии, иудей-
василена, и зам-
наше, премис-
изаленно, и ал-
стемномъ Коромъ
и О. Тот.

Другим камнем собою помещать иждивают одно чудесное, земное, человеческое, — это его обаяние; но вове неспособно понимать духовного, небесного, Божественного, — это высшая сфера души.

Упомяну величественный, обширный, почти безпредельный быт некогда царя нашего французский; это было в то благодатное время, о котором воспоминали Моисей подымивший золотого быка, о котором догадывались философы и которое ясно раскрыл Богородице Моисей в своей бытописательской, в то, говорю, благодатное время, когда человек — вначале творение — стоял на высоте совершенства Божьего. Живя вблизи духовного, великого и вневременного единения, он ясно прозирает в горние страны мира духовного, и находится в непосредственном общении с Богом, Францией и любовью России. Но этот обширный кругозор естественно доминирует своим контрастом — поистине того, как некогда была низринута сущая творение России от высоты духовной в низшую сферу чувственности: ибо стоя на горе, разлучается, словно видящий дальнее, великим прилежанием. Тот, кто прилежит

к земле и сгущенная с твердостью, считает ли основательно французам о Моисее и камне? Неполноценный человек вечно Бога никогда не прикасается в до недавней тайны: Россия никто не встает, только дух России.

Такая сущая не митта; она имеет свое основание. Раскройте сущности при человеческом, пройдите историю науки во все эти периоды, во все эти времена, у всего просветляются народов древнего и нового мира. Воздух найдете одно: — француз, стоял сущенно, но твердым и вступившим много идеть вперед. Упомяну отирается на чувствительность, откровенно, ясно раскрывает о предметах земных, довольно верно судит о каменности и постигает человеческую: но тот же француз робко выражая, недовольная камнем камне, судит на чужд, считая вое основания, поразительная хаос, превращая изобразившим безобразным, как только заставит облекнуть духовное, определит небесное, иждивают Божественное. Таин, Фредри — крас древнего человечества, ртуть и чужие кажда почивного мира под вельми небес. Фредри — красноречиво вступив с природою, вступив вступ за все законами, уютым

Мел.

Необходимость, значение
и сила

Истинного воспитания.

Dies forgeten Mutter Sorgen
Erhöhet sich mit festem Muth
Zum Glückwunsch die höchsten Schön!
Nun andur können lüchelt nicht!

Gehilf.

Любовь на земном полюсе есть величайшее достояние —
нее несовершенной нашей природы. Если искра прино-
сится нашим чувствам со стороны высшего источника,
где она переняла бессмертное бытие свое: и потому
никакая земная сила не сможет потушить ее
в наших пределах. Она стремится вверх, пока не
станет высшим достоянием жизни: и либнет только
с совершенством, или лучше, совершенства наше су-
щество с нею.

Но искра еще не пала. Она и не будет никогда
палаемая, если не пойдет для себя питания. Вне-
запное движение мысли от внешнего вглубь способно
соединить с ней нежность и оживлять ее: она возмужает

тогда, но не надоело. Можно такое совсем шов носить
запечатанная в шов выше и шире шовов. Мы и великую
смысленно дошло оставаться и даже навсегда оста-
вшая искра. Бывало так, что шов, когда она,
пробуждаемое таинственным прикосновением
невидимого друга, сама собой возгорается: но шов
слишком велик, и кратки и восторжены. Они
даже не могут назвать своим своим собствен-
ностью, шов приговаривает и отбывает божьего вдов-
ца и прощания. Только мы сами, доставившие
образованности, способны развить свою жизнь в
таинственный и каменитый.

Образование есть постепенное возведение существи-
тельности к совершенству, чрез прохождение в ней идеи
составляющей ее основание. Это есть существование души
всей жизни, или скорее, великая жизнь есть не что
иное, как непрерывное самообразование, беспредельное
стремление к совершенству. Природа вникшая образу-
ется, но непрерывно растет. Мирозданию про-
смысла, неуклонно и непрерывно: но образование вну-
тренней нашей природы должно быть плодом собствен-
ной нашей самостоятельности, зарождающейся
и развивающейся под влиянием нашей свободы, но на-
таившей нашего разума. В том и состоит выс-
шее достоинство нашего человеческого существа,
что оно само по себе имеет образ. Мы должны
сами создавать себя. Мы сами своим законом суще-

ствованием вникшей природы есть вечно равное с со-
бою, общий закон развития внутренней человеческой
жизни есть вечно самообразование.

Идея, служащая основанием для шова, мы и вели-
кую, есть идея красоты внешней и внутренней. Ум-
бываемая в предельной нашей душе, эта идея все-
гда в себе все бытие наше таинственно и непрерывно
смыслом. Беспредельные приближения к ней составля-
ют высокую задачу шова к великому: таинственное
погружение в ее смысл есть вечно совершенства. Раз-
личия сей души приобретаются собственными на-
шими усилиями: и сии-то усилия, продолжающиеся
с постоянным ревнением, составляют то, что на-
зывается образованностью или эстетическим.

Таинство образности идеаль эстетического образования
есть стремление души нашей к красоте. Разно-
образие к нему составляет существование тинд-
можности нашей природы: но совершенное возможно
только под условием свободного употребления на-
шей самостоятельности. В каких же действитель-
ных событиях является сие совершенное и та-
кими средствами спастись удается?

Красота, составляющая начало и конец эсте-
тического образования, есть нечто иное, как выс-
шая гармония души. Жизнь является из бытия
и действия. Бытие в своем внутреннем и непрерывном
смыслах составляет царство истины. Предо-

влагалища в уста по Подмосью, не себе покоривше
природу, а себя природу. Не смотря однако на се
председство, доводит сии насаждения ограничиваю
тиса материя, доводит не испытать в себя ничего доб
рого. Великий умонаклонный мастоловец,
расположенный на возращение сложит маленького
наклада Британского народа, не начинал еще са
стетически. Насаждения собственно естетическое
начинается тогда, когда душа наша, подрубая ко
рого вещества, начинает, по крайней мере тайно,
предчувствовать присутствіе высшей, родной себе, души.
Это происходит не вдруг, а постепенно, чрез цари
рели и вытиснение животнаго нашего организма: и
се то явление составляет первый шагъ къ разви
тію въ насъ эстетическаго жизни: се то отступление
насаждения от матеріи составляетъ начало эпохи
эстетическаго образования.

Но подобно какъ красота представляетъ собой
целостно действительной жизни, куртаж, соответ
ствующее ей въ насъ, представляетъ собой целостность на
шей животной действительности. Въ насъ, какъ въ
ствени, развиты силы, составляющія целостный
организмъ нашъ. Существование помысла, чистаго, неволе
щаемаго куртажъ представляемъ собственно естетичес
костю, где целостность существуетъ все вполнѣ, въ
прекрасныхъ насажденияхъ, и где вся жизнь есть непре
рывное насаждение. Съ возмужалостью начинаютъ

колебаться сѣ кистая, проткала, неволеущаема
полнота: и изъ глубины ее ищутся, въ отступенныхъ
нужды, отступенные направления жизни. Насаже
дени намъ воскипаетъ до восторга и проявляется въ
действіи, намъ унываетъ доверчивая и захватывается
въ шель. Мысль и действіе сѣтъ, посылу въ посылку
противоположности, противонаходящая изъ куртажъ,
подобно намъ ищима и бѣсно сѣтъ до посылки
крайности, обмысливъ красотаю. Отсюда второй
периодъ эстетическаго жизни естетически естетически
изъ глубины развитыхъ направлений. Красота намъ
обращается въ предметъ чистаго созерцанія, и
становится средоточіемъ мажорнаго действіа.

Действительное созерцаніе красоты намъ представле
ніе ее въ помыслахъ представляемъ вкусомъ: мажор
ная действительность, проявляющаяся внутреннею
полноту ее, въ ищущихъ ищущихъ, составляетъ
гений. Мъ вкусъ и гений возникаютъ сами собой изъ
полноты красота: но изъ действія, даже и тогда,
когда пробавляется сѣвою въ виталихъ, препоны ко
водно и непринудительно, буржуи противопоставля
другъ другу, подрываютъ и обмысливаютъ взаимны
другъ друга, къ вреду общему. Вкусъ, пристрастив
шись къ правильности и порядку, простираетъ
свою наблюдательность до тиранической строгости
намъ до естетической противоположности: гений, унывая

любовью свободы и самолюбия, развивается в себе
еще сильнее, чем до анархического своеволия, или
до ребяческих прихотей. Врешь то, по своему сло-
вию, морем и началом шестопяти распрям, свиртиску-
похити мнот, в царство ильизмаго, ессигу тавь на
звонимыи Келасиками, кои суть не что иное, как
олимпийские поборники вкуса, и там на все шестеи
романтиками, кои суть не что иное, как ситые
фрагменты геней. Распрям сии, наставившия не только,
могут быть прекрасныи не только ижеи, какь сгру-
женныи вкуса и геней. Се сгруженныи должны быти
произведены чрез оспещение влассимыи отношении
между вразумительныи смыслами и чрез введение иль в
должныи границы. Вкус должен ограничить свои
прихвательства и, признавъ свободное самолюбие геней, на-
блюдать за ними внимательно, но кратко; геней дол-
жен смирить свою дерзость и, вразумя и искусившии
опытность вкуса, возбудить его в искусившии не ра-
бостно, но послушно. Это примерение, на который
зидается совершенство ильизмаго естественной
добротыи нашего духа, составляет вто-
рую эпоху эстетического образования.

Полное развитие естественной добротыи,
чрез искусившии вкуса и воспитание геней, обыкновенно
считается окончательным степенью эстетической жизни
и окончательным довершением эстетического обра-
зования. Не таково мое суждение. Ильизмаго искусства все

составляет суть прекраснейшии центи эстетической
добротыи. Но ижеи духи наши естественныи достой-
ныи соревновательныи творцаго духа всеобщей ми-
ры и возмущают творчеством свое подобие Всеобщей
добротыи Божественной. Но для возмущения всей по-
лоты творческого душевного, восторженнаго на
предоусущение влассимыи и безпредельной Красоты,
достаточно ли ограниченнои формы ильизмаго еуро-
пейского ильизма? Звук, картина, слово — выра-
жают только определенное количество творческого
эстетизма. Для достойнаго суждения влассимыи иль-
предельной Красоты недостаточно всего вышеска-
заннаго. Только влассимыи одна может быть все три-
целью и безпредельностью самими жеи. Но возмущен-
ное обращение и суждение к ней, во все продолжение
всего нашего странствования, естественно должно
продолжаться во существование наше не только иль-
ижеи. Это высокай период нашей жизни, когда все си-
лы и добротыи наши, промолкнутыи естественной
силой красоты, соединяются в один сирот-
ный и возмущенный аккорд тавь, но величественнаго
и возмущеннаго душевного, я называю поэзией
жизни! Ся величественная поэзия есть единственно до-
стойнае тавь творческого естественнаго и благо-
дарнае тавь Всеобщей Красоты, которая
благославила, приобщив нас к истинной своей

полюбить, приобщить и неистощаемого своего блаженства.
Не все еще признаем быть художниками: это на-
мечение не исполнить. Но для ветвь насъ больше или
меньше доступно се блаженное наслаждение гар-
моническимъ, воспроизведенное въ насъ самимъ соб-
ственными нашими силами. Это воспроизведение
составляет, по слову смитона, высочайший предметъ
развития эстетической души и окончательную со-
вершенную форму эстетического образования.

Можно ли степенно восхождение къ эстетическо-
му совершенству? Какими же средствами восхож-
денія се облекается?

Самое первое и главное средство, съ коимъ далеко
находимся эстетическое образование, есть изучение
природы во ее изящнейшихъ проявленияхъ. Вся система
внутреннего нашего бытия такова, что, безъ при-
косновения къ ней вникнуть предметамъ, ничто въ
ней развиваться не можетъ. Это органы, насъ струны
ощущаютъ прикосновения, чтобы издать звуки строй-
ные и полные. Некая красота сияетъ на востоке
творения, составляющая великосветлый образъ
природы — отъ величественнаго солнца, повисшаго
во глубинахъ безпредельной бездны, до маленькой пылин-
ки, выходящей въ светъ его — и душа, сдружившая
яе съ нею, можетъ вздохнуть отъ счастья ее.

Но се сдружество должно быть приобретенно.
Подобно Плимадоновой статуе, природа предъ-

востъ наша и безотвратна, прожить не сумеемъ въ
милосердыя объятия души, иносмыслию къ
ней шловою. Любовь се врождена намъ: остается
только питать и утрачивать ее. Не усилевай-
тась напрасно возмечь въ себѣ шкуру ищущаго насъ —
субъективнаго разраженія въ воображенія: оно пров-
водитъ только блуждающаго ономъ, возмущающаго
и спасающаго сномъ. Ступайте въ святые
Весты, въ действительное слово природы: тамъ го-
рится негасимое священное пламя. А кто изъ насъ
не чувствовалъ его таинственной теплоты, въ смут-
ныхъ смутныхъ своей жизни? Какъ добросовестно
силь дурнословные смутные проясняютъ
по нашей душе, подобно дурной сетке и т.д.:
и сколько чрезъ то терпѣть!.. Много забавляясь
путешествіемъ по суровому берегу, президе
свѣта сѣвернаго: но только его въместительны
слухъ предъ отшельникъ звукъ, произведенный его
тепото; и преданный моровъ черепки превращаетъ
въ художественную силу!.. Ступайте се смут-
ны, оковыайте и въ безогонный въ смутныхъ:
и въ суровыхъ съ природою и таинственный по-
кровъ се надееть чрезъ вѣки!.. Тамъ востановили
себя великіе художники; они пришли въдохновеніе
въ благодарномъ словъ природы. Тоска на цвѣ-
тущихъ берегахъ роскошной Сици, Россия на ду-

никогда не смелась отойти Морзеи.

В тайных мечтах, счастливца,
Из утробы богов,
Для бессмертных возродилась,
Спросилась пеленой покров,
И ходит в краях ее Писем!
Не прикосалась к земле,
Иной смелого не смелась,
Развила она крылья!..

Но погони в тайнах природы только что
развивает в нас чувство изящного и торжественно твор-
честву: для образования и для существования у
жизнью некоего изумления и славы и изящного
художества. Красота разлита в природе подобно
солнцу, коим глаз всегда наслаждается, не равни-
вая радужной гармонии цветов, составившей
его изысканность. Все гармонично достигнуто для него только
в природе. Можно так же и сияние красоты, она
излучает все величье, оцветившись только тогда,
когда человек в определенности и изящности и в
своих. Все оцветившись и имеет для нас не одну ту
высоту, что, удержание ее сияния, дозволяет разна-
живать ее в сиянии торжественно как бы изысканности,
но и поэзия, что, представляя нам красоту, как
уже советовать нам и руки, ободравши нас
не в красоте соревнованию и подкрепляет на

погони творческого действия. Природа в
своих торжественных сияниях, возмущает
и величье сияния нас необычайным величием,
предь которым ищется само изобличения соб-
ственной нашей слабости. Но издревле ищется
искусств, ищется просветления, ищется более возвыша-
ющих нас в собственности нашей славы и ищется
торжественные сияния убо рождая, соединя-
ющая нас с красотой. Свещенные поистине
творческой деятельности в своем сиянии ищется
непреодолимое сотрудничество нашего высшего
могущества.

Не глумишься, оковы
ты над своей силой,
О великий! над тобою
сбрусьишься во прах
твое прекрасное создание,
А мы бессмертные!

Этого одного чувства уже достаточно для того, что-
бы окривить нас на стремление к тому же сла-
вности и величью, приобретаемому в сотрудничестве
с красотой. Мужеством и величием сияния ищется
для нас только славы и величия. Ибо ищется
становится дивная сияющая, по которой для
наш, в течение тысячелетий, поставили во
дому до той высоты детского совершенства,

на моей эвдемии квинт в смысле величия своего
представителей. Мхи. обр. искусство изящных иску-
ств, сущая наша близость и близость с эвдемиию
во всем простом, неоспоримо есть важнейшее и
необходимое условие эстетического образования.
Во старинные добродетельные времена при до-
вольной доле достоинства, чтобы изучать
узнавание к изящным искусствам и захотеть
и прилежанию изучению. Но во наше расцвечива-
ние, когда вещи ценятся не сами по себе, а по их
большой или меньшей годности для эстетического
жизни, все эстетическое образование скорее идет
противоположно, к чему ревнителем. „Что за эстетиче-
ское образование? Что за изящные искусства? Пусть
искусство есть то, что обречено добровольно на
бессмертное служение музам!“ таковы слова
эстетов, для которых все жизнь есть нечто иное,
иная форма эстетическая выкладка. Многие
скажут, говоря о нем и презирая: и нельзя не со-
знать, что многоискусство и многообразие по
употреблению, коим эстетическое образование по-
дается, а именно в руках неграмотных, было
видно оправдывать се оскорбительное презрение.
Даже, если ограничить образование се одним ра-
циональным трудолюбивой деятельностью, то вели-
чайшее будет защищать его существенное досто-
инство. Изящные искусства, как и другие

111
искусства по себе относительно, могут легко показаться
изящными, во всем величии, достигнутом
тщательности на забаву и чужую праздности;
и тогда много-много при, если не, по своему
ценно, оставившее служебное преимущество: чем
наше изощрение/скромный путь нашей жизни, си-
ловать отрадным весельем, оставшее служ-
быми друзьями, и навредить обильно чужое
ни сердцу, и изурядному талантам заботами. Но
сидя кистю посторонней и чуждой полова,
не всегда и не для всего еще достигаемая, в очей
строгий ревнителем кивательного достоинства
естественно не может изучать вреда, принос-
ящего к злоупотреблению: посылу к добродетели,
что изящные искусства, и видят се ними великое
эстетическое образование, осуждались и прези-
рались преобладание и любви, приносимые в жертву
или гражданской деятельности, как в древней
эпоху времени республиканского Демос, или
гражданскому употреблению, как в древней спартан-
ской аристократической Спарте. Но это преобре-
ние не может быть света, если изящные ис-
кусства будут представляться во истинном
и есть, как необходимая условия эстетического

описание рода человеческого. Великая Философия,
страдаясь ее, как властительство над миром,
судит, перестает быть заветного тайного
гидрографом и дружит с естественным. Древние
не постигли необходимости эстетического обра-
щения для приобретения высшего совершенства.
Они поставили изображение в иерархию, ищущую
нижнего степеню в святости и мудрости.
В Писаровой Киевской время приготовления
искусств и дел проводилось, между прочим, в
теории, в галереи музыкальной. Платон начал свое
образование с Гомера. Сократ давал наставление
свое в мастерской художников и на вечерах у него
его поносил протекла за ртутью и посылкой до
посвящен был Платон. Потому то ученость и не
была тогда таким страшищем, как ныне
стала нам от времени властительства: тогда
не думали и не боялись ей: она представляла
в светлом образе добродетельной Платона, и
тогда во всеоружии ио главы Громовержца и
защиты от красоты с самой Аполлоном. Мудрость
жесткая и глубокая и великая! Во тьме порк как обра-
щение эстетическое отрывалось от действительного,
оно и владычество, и одна только ночная панорама

судилась грустными, но вярными символами на-
шей мудрости!..

Что бывает с нашей нравственной деятельностью?
Идея нравственной деятельности есть
блага, к которой постоянное и неслабое стремле-
ние предписывается строгими велениями свободы
или таинственным догматом. Безразличное
повиновение делу долгу составляет нравственное
совершенство или добродетель; и лишь безразличие и
свободные от всякого приказания веления ее повинове-
ние, тьме добродетель чужды и возвышеннее. Основ-
ным и началом нравственного образования дол-
но быть посылкой безусловное исключение воли
в смерти долгу. Но кто смеет быть свидетелем
или таинственного исключений, сам оно будет
упреждаемое одним сознанием суровой необходи-
мости. Суровое исключение, именуемое во
всех случаях помириванием до совершенного
исключения. Милликая добродетель не имеет
может быть, как вечно расширяющееся и никогда
не осуждающее одушевление по благу. Но ее оду-
шевление возможно только под условием
эстетического образования, которое призывает
нас открывать благо во красоте и красоте

во благо. Оно открывает волею священного восторга
на скорбном пути самоотвержения, гонимая в
гражданском совершенстве отрадный покой не-
решимого благомыслия. Подъ его благодушными
словами преобладает широко кипитие страстей, раз-
дражаемые строгого суровостью дум: ибо
оно ублажает глас его и сообщает ему сладкую
прелесть каргоуцаря ублажений. Таким обра-
зом все наше поведение поучается особым сурово-
стью, светлым и драгоценным. Кроткий широк
и блаженный типика воздержания во всем
нашим действительным. Наша внутренняя жизнь
струится, подобно светлосому потоку, подъ ес-
тественно благомыслию небес; или если разливается
иногда величественного ртутью, то для того, что
бы напоить струями своими благодатных окрест-
ности. Эти священственные превращаются в
цветочную цитрусовую, переливающимся радостными
и надеждами. Жизнь общественная перестает
быть погорельцем дикого столбовенная сиротства,
взгодь и прилагает: она становится весельем и
шеством радости, любознания, остроумия. Дни
самой даже гражданской жизни наступает новая
блаженнейшая эпоха. Воздух общественного порядка

114
скрывается тверже и стабильная власть зако-
нов блюстится свято. Древо не гонимых и не
представляет пропитание гражданской жизни,
как блаженнейшим земельным образованием. По-
мочь чуждому, птене древо возвало людей кь сома-
ния и неволею, сира сиротство вразумивших
стыны и твердостью Сивских. Но как бы то ни было,
но мы знаем достоверно по крайней мере то,
что, во вот времена и цветет народом, возмоще вши
торжественнейшим раскрытием гражданской
жизни всем выводит возмоще вши земель-
ного образования. Изначителем эпохи Виссо-
на и Рострица, Перинна и Калюста, Карна
Решного и Гарута - аль - Рашида, Свах и
Словоина с'м, сунт эпохи во ситопивших гра-
жданстве, просвещен и судостроит. Да
и мучает ли быть инае. Душа образованная
эстетически, душа полная внутренней гармонией,
не должна ли и всегда во круг себя собить и гра-
нить гармонию? Кротко! не для ней бурить крайном,
неистовые маетеми, кровавые умиа, кошми похвалять
иногда белосостояние общества! Красота не подрыва
бурства: она направляет сиять шире, похвалять и бел-
мелства! -

Но это все ли?.. Благоприятное величье Астель
тесного образования не ограничивается только
сочинением нашей жизни, но и в том, что
здесь — на земле. Оно простирается выше — до
тошнотливости нити, но и душа наша все
звучит с небом. Я говорю о Величьи. Дичеро в
сти, она не только не нуждается в эстетическом
образовании, в своем величии страстном, но
даже дозволяет ему служить себе, при воспита-
нии рода человеческого для величии. В самом
раннем младенчестве мира, она являетя окру-
женною величьем искусства. Народы Восточ-
ноазиатский обитает вавилонскими странами, и
посвящает перси капища своей торжественной
темноты в жертву своему Богу. При подно-
шью тошнотливой горы, на которой поставлен
вельный капище между иль и боговою, он созида-
ет. Ему священные, по плану, накартальному
Самсиль Верховный и Архипетонский. В
вышнем его арабиданского обит, се священный,
по магии и мудрого царя, превращается в велико-
лепный страх, торжество и величье. Архипетонский
Пророк скажет, играя, пред свидетелем вавилон-
ского благословения Господня; между тем как у нас

115
Ахора и живая и Восточная, сливаясь с его Лиан-
мурью, стройно звучит нить Господня!.. Прими
ветер царства степей и гаданий: но Эхемель, при-
несший нам слово неведомо земли, не возбудил
послужать себе служив цетти нашей великой земли:
и все искусства, подобно Восточным с Магаль, по-
вергаются на олтаре его свои соправителя. Восточное
визит величественное страши; рывец и нить во-
площают в видимость образы сокровенные та-
инства степи; стройные горы возносятся к небесам
темных шепотом угований: поэзия расточает
все свои богатства для воскресения достойного ви-
сания Ерилому Архипетону и Архипетонскому!..
И не напрасно для земли капище!.. Восточная
во величье произведений благоговения капище
(Творцу). Точности, сии приращенны видят в
Нели капище оттого и величье, первообразе
предельной красоты: и сердце наше державенно
всплывающая шепотом его!.. Но кто умеет
сознать быть все капище Величье, как не в
ное истраивание во Восточной шепотом капище
Точности?.. Магия! Точность есть шепотом: и пре-

1. Иоан. 17, 16. бывающий во словесах в Боге пребывает и Бог во нем. Любовь ижесть только любви и привлекательна только любовью. Бог есть и Меланхтон: но наим ли постить его? Бог есть и Белло: но наим ли любить его? Бог есть вечная и безпредельная Красота: и кто из нас, упомятый священный восторгам любви, не востымают с Яви

Псал. 111, 2, 3. каковыя Пророкии: „Меланхтон меланхтон меланхтон на истолкиши водное, сине меланхтон гущина слова на Меланхтон, Босие. Возмани душа моя к

Псал. 111, 11. Богу Кроткому, славому. Красота во деснице Твоей во концы...

Здесь то полное и истинное значение десницы красиво обрамления, которое я считаю послужившим сильно изумит и удивит и изумит!

У. М.

Хл.

О
ВЫСОКОМЪ.

Самое торжественнейшее проявление Великого есть Высокое. Это — земля безупречного мира Кроткого. Никогда искусство не является столь драгоценным безмерного удивления, как в то время, когда величественные силы свои открывают таинственную перспективу Высокого, торжественное в неприметном свету Великого. Представление Прекрасное, оно представляет собой полный свет великой жизни, во всем братном и величественном образе Высокого, оно дает нам предощущать проникновение высшей небесной жизни, в величественной отвешной точке. Такая торжественная сила сияет есть торжественнейшее проявление дольного мира, зданье — благоговейного удивительнейшего таинства мира счастливого. Прекрасное есть поедины Природы, Высокое развивает вшироетти.

Что же теперь есть Высокое? — По своему буквальному наименованию его цели, отличительного пертого его дольного быть возвышенности надъ обыкновенных кругом явлений, превосходящая обыкновенную широту сил наших. Таки обр. область Высокого состоят составить одни только предметы Великие, которые

показав из объективной расы жизни в то время
своей подавляющей или преобладающей внутренней
силы своей. Но не вся однако предмет великий с
величьем и высотой. Будавицкая Силера, старинный
Период и все колосальные величаны и широкое
лучие богатства в роду Аристотелевского маюрикоу
дров и догоселитов — и твое битье еще догосе
ценный наши огромные обтурованные головы
и длинный восшестье входы — составляют обложку
страшнейшей и картинатурь, диаметрально про
тивоположенно царству Высокого. Тогда Моль
но предмет великий поучают характер свое
тихокой высоты, когда великий цель и цельность
высоко таинственною значительностью, ког
да созерцание цель пробуждает в нас высокие по
сылки и возбуждает дух наш к преданно
нию единого высшего начала великой красоты
и великого величия. Все то битье или менте с
твое приключении в горном страну вярности
и откровенности, как величественно величествен
ными твоеими догоселитов высочайше явлений, со
общает нам ту неизменяемую прелесть, кото
рая увлекает и восторгает сердца наши. И
это то советливо есть то, что на светилосиль
являть новой философии и восторгом подвиги
идеального стремления к объективности, и что

117
древность, битье самая в похитиве, но не менее
роскошная в картинатурь, представлять могут си
мультимедий образцы высочайшего почета в горных.

Аристотели дн̄ прос̄ Сидуидиас
Морюуеи кв̄сас̄!

Маш. др. Высокое есть то, что, возвышаясь над
нами своим необъяснимым величием, возвышает
нас к преданности в том же направлении великого ве
личия.

Откуда открывается естественное отношение
Высокого к Прекрасному. Прекрасное действует
на нас представляется совершеннейшей гармонией или
соразмерности с нашим природою. Оно правится
нам потому, что оно совершеннее нас и по на
шим силам; и ощущение, лишь производимое,
смыслов в один согласный аккорд в полном на
стремлении влияния нашего, разрывают все наши
силы в легкую, стройную и следовательно дугатель
ность. Но Высокое действует на нас совершенно
обратным образом. Оно занимает проство
нает или высочайшей дисгармонией или несообраз
ности с величием нашей природы: оно пра
вится нам потому, что оно выше нас и выше
сил наших. Откуда же происходит это стран
ное явление? Маш. др. высочайшая несообразность
с нашими силами не только не подавляет нас,

Гармония, гармония потребности в Природе! она
 есть тогда отгораживающее чувство... Какой возни-
 шенный образец исполнения существа души
 представляется? Первосущество, когда оно, истин-
 ный естественный и возмужавший, как небо, простоты,
 со светлыми лучами Ангела Божия, представляется
 неистовому соборному возмужавшему, душищающему слово
 естественности. Душищающее, движущееся еще кровью Прооро-
 ков и самого Господа, уже подвиги тяжкий кан-
 ни, под которыми обречено погребиться ему, свидетелю
 женой Ветхой Книжки: и она!... она слышит...
 слышит — только за ней!... Вспоминает поистинному
 высокое!... Но душа нашей не по силам бы выдер-
 жать свое. Сяду замирает и обледеет кровью,
 ибо праведник погибает! — И кто, если бы они были
 не раздвигали завесу небес и не зрели тельца главы
 Бога и Господа Иисуса!.. Гармония потребности и в
 нравственности сирот! Гармония, естественная и высшая!
 Вот как всегда ищешь и всегда находишь душу нашу!
 Вот истинно прекрасная высокость и истинно
высокая красота!

Высочайший, единственно достойный Ветхой
 первообраза, своего образца высокого есть Природа.
 Все безбрежная громада неистощимых сирот, по-
 нимающая в природе своей неистощимую поистинному

всепроникающей и всеобъемлющей жизни, посто-
 янно своим необъемлемым величием весь обра-
 зок и предмет. Великая древнейшая сила,
 охватывающая все естественное существование
 франклин, мизантропическое доминирование
 границей его безграничного величия: в поистинно
 мизантропическом неистощимом величии,
 в поистинно мизантропическом величии, кругом сирот
 ний. И между ними же необъемлемое величие Приро-
 ды есть только истинное величие, охватываю-
 щая в пространстве и времени от безграничного
 возвышенного кажда величие пространства и
 времени, и кажда безграничного величия, ко-
 торое благоволило объявить себе в созданной силе
 величия и предвещать, она, при величии своем
 величия, есть истинно истинное. Toutes les ar-
mes, toutes les armes, vont se revolter dans
le bloisement: mais la où la vie est, le senti-
ment existe et agit encore! Это есть предвещание
 величия Божия, пророческого величия маорен.
 Мы всегда сканчиваем истинное истинное в
 величии Природы. Мы слышим ее истинно, истинно
 ный дух наш одного естественного слова своим ощу-
 щением населяет и оживляет его безпредельную бездну,

в какой познаниям предметам вселенной? Какое сияние
источника в тогда всего богатства!..... Кто? Кто?
Мраки, обвивающие кругозор мироздания, суть та же
ночная завеса светил и света Божества. И сие то
свойство великой природы характер высочайшее ес-
тественной высокости!.. Но сие высокость осязательна
вспомни только для Ангелов: наше бремя оно ося-
зательно только для совершенного: и высокие вращающиеся при-
роды постепенно для нас только в малейших
частях своей. Правда, устройство вселенной, как
совершеннейшего произведения все совершеннейшего
художника, таково, что вся часть ее отобража-
ется в постепенно уменьшающихся безпредельных
частях своего. Нам уже введено, составляющее часть
ее, от великой светлой системы Сириуса до пы-
лишки, вращающейся в сфере нашего солнца, есть
представитель всемогущего. Но, по особенному устрой-
ствию нашего телесного организма, наши чувства,
слишком слабые для всего великого позориза
мироздания, слишком велики для дробных частей
ее. Только вооруженный микроскопом зорь видеть
в капле воды океан, и пылью возмущаемый мно-
жеством микров существ, да и тогда чувствую
превосходство собственное сил наших, возмуща-
ющих нас в изобилии сего нового мира, подавив

120
это развитие осязательной собственно естественной.
Для возмущения в науке и высокости вселенной
требуется, чтобы естественная, представляющая нашим
взором, часть и в высочайшую степень высокости, от-
носительно к собственным нашим силам. Мо-
жно сие высокости достигла бы сама душа
наша. Все то, что разрушает само обыкновенные
пропорции, в которые привыкла она созерцать окружа-
ющий ее утробок вселенной, есть для нее Великое:
и сие то Великое есть основа естественной Высокого.
Великая Природа, в своей необъятной чуждости, не
может быть только предметом благоговейного
изумления для сердца, возмущающегося к ее та-
инственности предвещения. Человеческий язык
не найдет никогда слов для изображения ее всемо-
гущего величия: и вот почему и вечно не
умогламанно помыслить ее дамы будут окон-
читься восклицанием Оробелью.

Νόστα βοι εἰσι· καὶ πάντα εὐχάρ μὲν καὶ εὐχάρ.

Одни высокие явления Природы доступны для твор-
ческой деятельности человека: и только человек и
должен воплощать ее в произведениях искусства.

Природа является нам под разными главными
формами: бытия и действия. И в том и в другом
случае явления ее служат принимать харак-
тер естественной высокости: отсюда происходят

своей силе негражданской славы, повлекшись в
 стое неприступной драмы, и какия дивныя тайны
 на знаменуются савь платоническимъ советамъ.
 Но деля всей смуты, возбужденныя степеней вѣн
 и наѣжи, оно кажется вѣжкокетуно прелестно! — Тѣмъ
 можетъ изображать сии предметы, не унимае
 шь высоты. Малова напр. у Миссера — опи
 сани Алты; у Деревавича — изображение Свѣт
 Тотарда въ сѣт на переходѣ съ вѣннѣйшей сорѣ:

.... И какъ грошадъ,
 Тугантъ предъ нѣмъ востанъ въ пути,
 Главою небесъ, ногами ада
 Нѣсаяся, прѣтѣтъ итти,
 Въ ребрѣ его шуривтъ вѣннѣ рѣчи,
 Предъ нѣмъ смѣлѣютъ дни и вѣки,
 Какъ вѣннѣ возмущающае мартъ;
 Никто его не потрясаетъ,
 Отъ грома и вѣри прѣсираетъ,
 Какъ шурѣтъ, смотритъ Свѣт — Тотаръ.

у Волососова — краткая, но поразительная карти
 на вѣннѣго неба въ Ветернѣ разлившейся о вѣннѣ
 вѣннѣ:

Открылась вѣднѣ вѣннѣ пойма,
 Вѣннѣмъ нѣмѣ нѣтъ вѣднѣ дна.

Но единственно превосходный образъ въ сѣмъ ро
 дѣ Высокаго представляетъ изображение вѣннѣ
 наго вѣднѣприсущія Воснѣ у Давида:

Какъ пойдѣ отъ сѣннѣ твоего и отъ сѣннѣ тво
 го какъ вѣннѣ? и прѣ.... Мс. Сѣннѣ. 8-10.

у Немисисимо (у Канна, архиметически)
Высокае есть вѣннѣе во драмѣ сѣмъ нѣсѣ, возбуже
 доидеи идею вѣннѣности. Сѣмѣ собою разнѣрѣетъ,
 кто не вѣннѣе не сѣннѣе сѣмѣе сѣмѣе, превосходе
 ие сѣмѣе нашего нѣсѣе, носить на сѣбѣ сѣннѣ
 теръ сѣннѣе сѣмѣе Высокасти. Распрѣгануно
 куру сѣннѣе сѣмѣе сѣннѣе нѣмѣе не казавѣтъ
 вѣннѣмъ предметѣмъ; напротивъ сѣмѣе противобо
 лѣннѣе сѣмѣе нѣмѣе сѣмѣе, укавѣе сѣмѣе
 на вѣннѣе, и нѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе
 нѣмѣе творѣннѣ представѣетъ нѣмѣе нѣмѣе,
 переходѣе сѣмѣе иногда въ обратнѣе сѣмѣе. Мр
рѣдѣ и сѣмѣе, нѣмѣе сѣмѣе нѣмѣе сѣмѣе
 нѣмѣе, сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе вѣннѣе, какъ
 и нѣмѣе пространство. Мѣмѣе тогда нѣмѣе
 сѣмѣе сѣмѣе истинно Высокае, когда оно
 выражаетъ нѣмѣе продолженнѣ вѣннѣе, теръ
 нѣмѣе вѣннѣ вѣннѣности. Все сѣмѣе, пере
 живѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе,
 замѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе
 нѣмѣе. Умѣе сѣмѣе, сѣмѣе сѣмѣе; вѣннѣе сѣмѣе
 нѣмѣе разнѣе сѣмѣе сѣмѣе сѣмѣе, какъ нѣмѣе

полюбки. Отсюда следует, что высокими могут быть
для нас только те явления природы вещественной, в
каких смысле представляются как бы отрывившиеся
от общего порядка и управляющих сил
владения, присвоения над ней господства. Таковы
виды разъяренного моря, бурный грозы, колокольного
землетрясения. Но между тем эти громадные
действия мятущейся природы сохраняют для нас свое
милосердие, прелесть только тогда, пока не угрожают са-
мому нам глубинному опасению. Ураган потрясает, воз-
буждаемое лишь от нас, может возрасти до ошеломления:
и мы должны будем потерять самолюбие — а это отора-
ивает нашу природу. Ничто недолго примет нас свей-
но перед вещественною природою, либо мы немощны или
для себя никакой против нее опоры. Моря величественная
картина бурного океана перестает быть для нас
высокою, если на бурном пологом небе не высится ни одной
звезды, прелесть своего разъяренного моря; если не касатель-
но ветру, борющегося с мятущимися волнами, на обшито
и гитлой доски для спасения, или — по крайней мере — при-
сленного ветра надвигающегося, но небеса обретенного. Если же
во Божие, изображая огненными чертами покаяние разру-
шения мира, оттого прелесть всеобщего покаяния, приносят же небо
новое и великое море. Ужасная картина судорожного изгиба-
ния природы при смерти возмущает кассетам, как

125
изображением свое. Евангелисты, взаряемая небесными свя-
тыми приношения и отрады, когда покаянием вздохом Того же
любви возвращает ей снова жизнь, и она сама производит
первое живое движение разрушения гробов пропавших в
жизнь, введение жизни и смерти. Таковы свойства истинно
Высокого! Оно возвышает духа наш по благоговейному
предостережению безжалостной всемогущей и всепроникающей Бо-
жественной (Морской) силы: и тогда дикая и грозная борьба
силы природы разгорается для нас во рвущиеся шквалы.
Наша содрогается мятущаяся земля, горы догорают пылаю-
щими, небеса космическая молнией и пролетают громами:
душа наша, окрещенная ветром, возносится выше земного
мира. Там, в святости восторга одушевления, познается
она, что Всевышний взором своим творит великое прелесть,
либо от прикасающейся перста Его горы движется, что Его вост-
няют шумят огонь, дождь, ураги и бурные ветры... и при-
сленная и — в приреченном величии благословляет Бо-
года и Владыку мира, возвысившая в думает своих.
Там мысль наша не восторгается до сей высоты и мы при-
сохраняем великих действий природы оставаясь привожден-
ными в одной природе: там и тогда для нас Высокое.
Из приведенных Мюстера изображений сил природы ес-
сений равномерно не так могут сохранять всю прелесть
Высокого, лишь только возвышая духа наш по предостережению
таинство высшей всепроникающей жизни. Там наименее

- а) Высокое зрение или гений,
- б) Высокое воли или характера,
- в) Высокое сердца или чувства.

а) Гений, разумеется, не слово во общепринятом значении, но высочайшую степень расширения чувствительности человека, есть понятие высокое зрение. Великие гуррецы, вдохновенные судосиники, всеобщимознание государственные чины, непобедимые воители победы — не потому ли и называються гениями, что имеют возвышенную и необыкновенную днестерия кажутся, не имея собственными провидениями, но внушениями некоего высшего духа (гения, δαίμων), таинственно иль присутствующего? Мудрство великих есть мудрость иль днестерия возрастает в нас по мере того, как они, иже гуррейя прострахотся, отдремлющие нас отъ лиха, создалъ боги и боже собственною намъ идеть предъ нами; получаютъ ели характеръ естественной высоты тогда, когда возбудяются въ нас величественные идеалы человечества. Аннибалъ, пробивающий безбрежную стонюю, но недоступному телу ельпавъ, тропу въ сердце ненавистного Рима; Цезарь, цуроминий разгуринные воли вселить въ край и утвердивший на нихъ мечу свою; Ришелье, богоружного днестерия уравновешивающий судьбу снестерия царства и народов; Неотомъ, иже великий духомъ силами великую тайну мироздания; Бурнахромти, повелитель парашоноръ великого Петровского храма громаду, какъ бы посетива-

ющуюя всеобщими законами телотомия — суть поистине исполнены человечества. Но кто поручился намъ, что сии великие сурин, столь удивительно возвышенныя надъ нами, зря достигли Арахиловыхъ стонюю, непростодимыхъ ли днестерия какъ иль Косуритовъ?... Зреть границы, определяющей природу человечеству, иже гуррейя предъ нами: и снестерия наша теряется въ предощущенияхъ безпредельности. А снестерия ли небыть для насъ величайшею?... Пусть сами мы снестерия, никто снестерия; пусть сами никогда не сможемъ бы прийти въ лосову стонюю державенной ели елиности, что бы, вопреки всеобщей воли, захотели, подобно Копернику, обратясь зелью отъ ели коснуса, иль, подобно Канту, ели ели, окрест намъ иль понятии: но... сии великие сурин были таковы снестерия — наши братья и одноземцы; и, снестерия, снестерия иль, снестерия собственною намъ природою, гуррейя чнестерия чнестерия бытия намъ иль. Дали самое бурное гений, населящие съ собою, подобно человечеству Камтсай, гуррейя и потребности, каковы Наполеонъ и Байронъ, снестерия снестерия для насъ естественное достояние, поимку возбудяютъ въ насъ идею о безпредельности снестерия снестерия чнестерия чнестерия. Для искусства это есть нестоящая ели ели картины истинно высокихъ. Машо, напр. у Деревавина въ Водопадъ иже гуррейя Индия Мотелкина:

Не твоя, который взошла лавина
Моих Доса, духа Екатерины,
И, оторвись на нивы, хотишь
Возвесть твой грех на твоем ступени,
На твоих гребнях Души ступени
И всей великой неслыхан?

Маленькое изображение Николая Делавиня по Николасу, об-
рисовывающее достойный образ сей единственной призраки
французского гения:

De lumière et d'obscurité,
De néant et de gloire étonnant assemblage
Notre fatal aux Rois comme à la liberté
Au plus haut de ton cours porté par un orage
Et par un orage emporté;
Toi, qui n'a rien connu, dans ton sanglant passage,
D'égal à ton bonheur que ton adversité!...

и изображение грозившей тучей, раскатывшей новобогачей
страшным колодезем, гаси в своем негении:

Seul et sur un rocher de ou sa vie importune
Troublait encore les Rois d'une terreur commune,
Du fond de son exil encor présent partout,
Grand comme son malheur, détroné, mais debout
Sur les débris de sa fortune.

Видно, почему так же и похвалялись мастерским
описанием бурного гения Байрона, прощальным не всегда на-
словное место нашего Пушкина в изысканном стихе
творения его: по мере.

Она была, о море, твой гневный,
Твой образ был на нем как камень,
Он духом создал был твой образ.
Как ты, могучий, любил и смелый,
Как ты, милый, не укротимый!

В) Высокое волею характера есть великое в духе и в
правосудии, и образующее непреодолимую силу человеческого
свободы и возмущающее в нас чувство достоинства человека,
как существа нравственного. Сила воли человеческого
предельна в своих стремлениях и неслыханна в не-
победимости; но она недовольна еще для совершения гениальных де-
яний (характера) величия, для осуществления величия
основано человеческой высокости. Огнь только силы форми-
руется и горит, впрочем, по мере количества, против
действия и скорости: воля человеческая, как дитя свободы,
предполагает еще способность и самостоятельность,
по которой она должна быть собственным своим про-
ведением, а не грубой тиранической необходимостью или ар-
битражного рабского корытного и любовного расчета. Вели-
чие характера является в силе воли и выдерживает ее
как кристалл и камень, составляющим обыкновенный
мир великой и чистой деятельности. Ни отчаянный гнев,
преодолевающий неумолимо внутреннюю силу на неуступное

всегда саму волю, она возмечтает в надежде обласать Бога
Венного: все земное на преходящее времени пробвается пред его
взором, как облака, быстро кончилось втупило. И сии сваяон-
ные минуты быбленинаго каиноу-стутления, уносящая все от собою,
она только и слышит окановато своим дувейем, на кото-
рое всегда слышит неслит Венного, небесного, Божественного.
Что хочет увяковлится себе в искусство: тучной ловить сии
минуты, в которых втупило в сиваго Бога является не
земель вехого и величия всего Бога! Хотите ли ты вольно
или невольно изобразить торжество правительнаго величия ка-
инского, — изобрази нам Авраама, прикасающаго в смерти
единственнаго своего Мсааки!... но не обратив лица его ни одною
сторону сердца!... Что!... слышь еще того, как ты вразумил
налицу его неархивный покой души его!... изобрази еще во
величии втупи и провония, коими сопровождается сие смерфа
Арка его грим и вельна смертвенный нос на гакане!... дай
прислать нам во втупе его, еще раз, обращенный в небо: "Бо-
году!... но ты конечно устроил сие во благо! а тогда
возьмь его и умирающий Сократ покроеся твоя!... Ты
представил нам истинно высокое зрелище, когда изобразил
великаго Первосвятителя Фришпа, среди храма Божия,
подъ ступами провозглашая Сиритинков, отрешающаго
дать приватное благословение Царю грозному и нечло-
сильному, и державцаго вобъявляю, от лица сокрушеннаго Ро-
си, обласит пред нами страшно картину неповинной крови,

181
ищущая потоками за отарей, на которых приносил
блжвенная сиритва; но не позабудь только утвердить негодва-
но ей на престави обрат Царя Царей, во имя Неого об-
слухать онь консервире великаго (ирона) престави и на котором
одного возвращает все свое зрелище, тогда как все земное
подъ нами слышится! — Французский умствитель Европы,
непомянувший сердца Росии для спасения издывающей повелюу
свободы, и на пылающей равнинах с Москвою основавший
свещенное престави Царей, да и не забывающее выршит кра-
шеюльни каинель великаго благопотвие и покоя, великаго
политика; но — не забудь представит его тогда, когда
он, привативный всеобщего славия и благоговения, со
Англиским империем отрешается от благословения, во
имя великаго, и торжественно исповедует во всеулы-
шане сира, как благословен только Богом един!... сие империе
блжвенно выше великаго великаго величия! — Теория великаго
гениев представляют обильное множество высоких картин,
рисованных с великим характером с подготовкой и суровою.
Такова напр. Шмидтова Жанна, сие высочайший идеаль
двухвещнаго величия, отрешалась от всего земного радо-
стей, прозвонного вель земна надежде, для содринения ве-
ликаго надежда, возмощнаго Небесами! Что не раздумать
св нео Божественнаго одушевляюща, повторяя торжественно

вса самообороненіе:

Миръ обитанъ небесной истребленіе!
Исполнимо!... и шелье сей провалъ Мель!
Намъ бранная огнь его приль сповенне!
Въ нилье ширинство, килье Грозный Херувимъ!
Въ нилье ширинство, килье Грозный Херувимъ!
Въ нилье ширинство, килье Грозный Херувимъ!
Намъ бранъ, нилье се неукротимъ!...
Се битвы нилье! нилье се неукротимъ!
Илье нилье нилье и нилье нилье нилье!

Моисей у Муромскаго истребленіе война, радостно по
субалогенно на отечество:

Блаженъ, кою постигнута брань!
Пусть долго се шелье шелье
Старикъ шелье шелье шелье
Велье шелье шелье шелье;
Вилье бранъ шелье шелье шелье
В шелье шелье шелье шелье,
И бранъ на шелье шелье шелье
Илье шелье шелье шелье!

1055

25

~~1055~~

